

Зинзивер № 1 (145) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Валерий СКОБЛЮ. Стихи из цикла «Город и окрестности»	6
Антон КРЫЛОВ. Начинается год. Стихотворения	11

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Валентин НЕРВИН. До звездного неба и ссудного дня. Стихотворения	14
Лидия ГРИГОРЬЕВА. Поэтические октеты. Стихотворения	21
Владимир АЛЕЙНИКОВ. В дымке неровной. Стихотворения	25
Эльвира ЧАСТИКОВА. Как выдох и вдох. Стихотворения	31
Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. Зеркальный оркестр. Поэма	35
Евгений РАЗУМОВ. Выйти к реке. Стихотворения	41
Любовь БЕРЁЗКИНА. Одиннадцать стихотворений	47
Олег РЯБОВ. Как напоминанье. Стихотворения	52
Сергей КАРАТОВ. Веселый флаг души. Стихотворения	56
Евгений СТЕПАНОВ. На воле. Стихотворения	58

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Алина ДИЕМ. Фрагмент из будущей книги «Библиотекарша, или Записки о моей жизни»	60
--	----

ИШТУДИИ

Александр ВЕПРЁВ. Слово о «Слове» и русском верлибре	65
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Святость и святки в творчестве Ивана Бунина	72

РЕЦЕНЗИИ

Андрей Ивонин, «Простые вещи» (Ольга ЕФИМОВА)	
Анатолий Аврутин, «С чистого листа...» (Ольга ЕФИМОВА)	
Андрей Тараканов, «Аутисты» (Вера КИУЛИНА)	78

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мы продолжаем работать.
И ждем ваших новых произведений.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1947 году в Ленинграде. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда-Петербурга. Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017), «Отплытие» (Торонто, 2022). Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1993). Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних десяти лет в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Дети Ра», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Новый свет», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Homo Legens», «Юность», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (YMCA-Press) и многих других. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (СПб, 2015), 4-е место читательского рейтинга Журнального Зала за 2019 г., лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020), лауреат журнала «Чайка» за 2021 г. (номинация «Поэзия», Вашингтон). Живет в Санкт-Петербурге.

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ГОРОД И ОКРЕСТНОСТИ»

* * *

Если честно — мы все понаехали,
И не местные все мы... отнюдь.
Хвастаясь культурой и успехами,
Ты об этом факте не забудь.

Мы людей служивых так повывели,
Что от них и малый след простыл.
Не найдешь ни памяти, ни имени,
Даже и следа от их могил.

Но и тех чухонцев в зад коленками:
Прочь, убогие... Пред волей царской — ниц!
Я, пожалуй, обожду с оценками,
Не был я строителем столиц.

Впрочем, тех, кто этот город выстроил,
Здесь в болотах косточки гниют.
В каменных дворцах холодных исстари —
Что угодно, только не уют.

Даже разночинное сословие
Вымели железною метлой,
Ни к чему укоры и злословие:
Век двадцатый все покрыл золой.

Шумною толпою наши прадеды
Прибыли сюда из деревень.
Может, и не меньше прежних праведны,
Но для города они — мелькнувший день.

Здесь течет с начала мироздания
Невская свинцовая вода.
Сверху смотрят и дворцы, и здания
Вниз — на понаехавших сюда.

* * *

Не порадуя Рим и Париж,
Не осчастливлю Лондон с Мадридом.
Пусть поездки укрепляют престиж,
Особенно, с индивидуальным гидом.

Скорей, печально, что океан
Тоже присутствием не украшу.
По мне: заграница — сплошной обман,
Буду лучше любить Пискаревку нашу,

Буду — Полюстрово и Ручьи,
Богословское — благо, что рядом.
Даже — я искренне, ты не кричи —
И рынок под окнами с пестрым нарядом.

В Хельсинки не нанесу визит,
Даже в Упсалу — в оранжерею.
В каждом движении усталость сквозит:
Загранпаспорт выправить я не успею.

Какой-то одолевает страх,
Дрожь в коленках — так прямо и скажем.
Забил я на все, что не в двух шагах,
О, даже на Русский музей с Эрмитажем.

Ну, не увижу... О чем жалеть?
Вещей, тех, что рядом, не видел тоже,
Таких очевидных, как жизнь и смерть.
Так о чем здесь жалеть-то, судьбу итожа?

* * *

Моя родина — Петроградская сторона,
Ну, считайте, что это такая причуда.
Мне она лишь, если честно признаться, нужна,
Чтобы помнить всегда, кто я есть и откуда.

Что мне город этот, разросшийся до таких
Мест, что мне трудно всерьез их числить родными?
А на ней мне помнится четко малейший штрих
На стене, каждая дверь, окно или имя.

Что, в конце концов, страна, потерявшая часть,
Не опомнившаяся от этой потери?
А моя Петроградка, в сердце мое стучась,
Просит любви, а не жертвы, по крайней мере.

Я уже давно не житель твоих островов,
Нет почти на тебе моего отпечатка,
Лишь над Невкой кружат обрывки последних слов,
Вечный дом мой... родная моя Петроградка.

* * *

Где родился, не пригодился, увы! —
В этих самых — родных Пенатах.
Нет уже ни деревьев тех, ни травы,
Что росли здесь в 50-тых.

Да и дома остались отнюдь не все,
Понастроил здесь столько новых
21-й век в своей полной красе
Монолитных и стометровых,

Появившихся на Зелениной-стрит
И растущих неутомимо...
Но родной мой дом, слава Богу, стоит...

Как же редко хожу я мимо.

Сердце екает, когда вхожу во двор,
Вижу окна свои на пятом.
И мой дом узнает меня до сих пор
В этом мальчике, жизнью мятом.

Эти окна светили мне сквозь года,
Наделяли добром и силой,
И летят мои мысли назад, туда —
На Зеленину... в дом мой милый.

* * *

В тени одичавшего сада
От мыслей прихлынувших сник:
О, как прохудилась ограда:
Заборчик — сказать напрямик.

Но это не так поэтично —
Какой-то тухлявый забор...
В стихи помещать неприлично
Весь пошлый житейский набор.

А так... мол, ограда истлела...
И это, действительно, так.
Читатель живет не вне тела,
И он не такой уж простак.

* * *

Я тогда жил — не забыть никогда — на Зелениной.
Это, конечно же, лучшая в мире страна.
Эту страну я любил и не числю потерянной.
Вместе со мною она — на всю жизнь и одна.

Девочка тоже была, и звалась она Любою.
Страшно припомнить мне, что пережил я тогда.
Жизнь может быть и жестокой, и страшной, и грубою,
Только любовь согревает ее сквозь года.

Переплавляется в память, наверное, самое...
Самое худшее, самое лучшее в нас.
Вот я иду по Зелениной с папой и мамою
В 44-ю школу и в первый свой класс.

Где повстречаюсь, конечно же, с Любою этою.
Это любовь и была — не припомню других.
Вот я иду по Зелениной, солнцем согретою.
Окна свои нахожу... не забуду я их.

НОВЫЙ ГОД В ПЕТЕРБУРГЕ

Вот и снова Новый год,
Праздник, прямо скажем, детский.
Вспомню и вздохну: Mein Gott...
(Я учил еще немецкий.)

И сказал бы: Славно... Но
Зачастило с этим делом.
Глянешь утром за окно:
Снег... и мир явился в белом.

В детстве было так всегда —
Где сегодня снег в природе?
Редкий год теперь, когда
Вспомнит снег о Новом годе.

Вспомнит и забудет вновь
Лет на пять... И жди, покуда
В нем опять взыграет кровь...
А сегодня снег — как чудо.

Нынче — это редкий раз:
Санки... детский смех на горке.
Календарь наш — не указ
Открывать ли снегу шторы.

Я гоню из сердца грусть,
За окно гляжу весь день я...
Может, больше не дождусь
Я такого совпадения.

Поэт, переводчик. Член Союза писателей XXI века. Родился в 1960 г. Выпускник Ленинградского университета. Стихи публиковались в журналах «Зинзивер», «Нева», «Дети Ра», «Северная Аврора», «Окно», «Футурум АРТ», «Красный Серафим», газете «Поэтоград». Автор книг «Пассажир гиперборейского автобуса» (изд. Советский писатель, 2009 г.), «Любовник зимы» (изд. Водолей, 2021 г.). Живет в Санкт-Петербурге.

НАЧИНАЕТСЯ ГОД

КОЛЯДКИ

Первые шишки упали мимо круглой земли
с ветки крещенской, которую принесли
колядующие дети, пряча похожие лица под
разными масками. Начинается год.

Год начинается с детских мешков,
в которых конфеты, печенье, а взрослым смешно.
Дети в масках нестройно поют про младенца Христа,
вола и осла, и их песня невинна, проста.

Мокрые валенки на половицу текут,
испуганно нечисть хоронится в темный закут,
жарко натоплено, бросило в пот
хозяев, гостей и детей. Начинается год.

Год начинается с той же зимы, что была
до этих колядок про ясли Христовы, осла и вола.
Взрослые пьют, а дети поют,
словно не угощений — спасения ждут.

БОСХИАНА

Стоит скелет на перекрестке
со скрипкой и, скулу склонив
к надмышелку (тут мысль о Босхе),
играет траурный мотив.

Вокруг него, темны и ржавы,
чернеют остовы машин,
и храмов обгорелых главы
напоминают: не греши!

Скелет смычком проворно водит
по грифу с лопнувшей струной,
и главная из всех мелодий
беззвучной катится волной.

Лежат на сломанном пюпитре
обрывки партитуры, но
(как будто ножницами выстриг
их лично Босх) на них нет ног.

Быть может, реквием не слышен,
а может — похоронный марш,
но (видит Босх) никто не дышит...
Выходит, мир бездушен наш?

И тишину не слышат уши
(наверно, в них залили воск),
а если кто достоин слушать —
про это ведаёт лишь Босх.

НОЧЬ В БИБЛИОТЕКЕ

Никто ни с кем не говорит —
наверно, ночь в библиотеке.
На окнах пыльные драпри
задернуты. Смежают веки
гекзаметрические греки,
Сервантес, Сент-Экзюпери,

Ли Бо, Саган, Умберто Эко.
Закрыв глаза Толстого бюст,
угрюмо вслушиваясь в эхо
ничьих шагов. Сегодня пуст
читальный зал, где нервный Пруст
вернуть утраченное эго

не в силах. Аспидная пыль
в лепнине сверху притаилась.
Портреты классиков слепы.
Из шкафа демон книжный вылез —
пьет память букв, съедает известь,
со стен, а буквы, как клопы,

из книг проворно разбежались,
нарушив общий текст страниц.
Осталась только залежалость
бумаги, и последний лист
прочитанный кружится вниз —
и Слово Слов не прочиталось.

Поэт, член Союза российских писателей. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им. В. Сосюры (Украина), им. Марка Твена (Канада), международного литературного фестиваля «Русский Гофман». Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живет в г. Воронеже.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ДО ЗВЕЗДНОГО НЕБА И СУДНОГО ДНЯ

* * *

До звездного неба
и Судного дня
судьба ничего не дает про запас,
но в каждом из вас есть частица меня
и я лишь частица любого из вас.

Душа и природа
настолько близки,
что соприкасаются накоротке;
поэтому, даже судьбе вопреки,
я вижу любимую в каждом цветке.

Любая фиалка
цветет на виду,
и в ней отражается чья-то звезда,
поэтому я никуда не уйду,
и наша любовь не умрет никогда.

* * *

Душа —
неизменная величина,
поэтому просто умри и воскресни:
у мертвых свои колыбельные песни,
которые слышу
на уровне сна.

Уснувший во сне, возвращается в явь —
туда, где, связуя концы и начала,
во все времена от земного причала
душа устремляется
по небу вплавь.

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Пополудни выглянуло солнце —
на пригреве инобытия
около небесного оконца
отдыхает бабушка моя.

Натрудилась до седьмого пота,
натерпелась ужаса, когда
то война, то гиблая работа,
то непоправимая беда.

От земли до неба — путь неблизкий
по ухабам времени, зато
в юности была эквилибристкой
в маленьком веселом шапито.

Через окаянные метели
и непроходимые леса
цирковые лошади летели
в эти голубые небеса.

...Пополудни выглянуло солнце —
слава Богу, на закате дня
около небесного оконца
ожидает бабушка меня.

PEKA

Пока живу на этом берегу
и маятник без устали качается,
я не могу быть лучше, чем могу —
не получается.

Но время утекает неспроста
по мере человеческой потравы,
а над рекой ни одного моста
и переправы.

Река течет и вдоль, и поперек;
а для чего дается жизнь иная —
по совести, когда настанет срок —
узнаю.

ПОТОМУ ЧТО

Потому что душа по своей простоте
не арийской была, не латинской:
помню, как распинали ее на кресте
в Иудее — провинции римской.

Потому что Земля — ненадежный приют,
по душе обустроена плохо:
прокуратор прикажет и снова убьют,
и начнется другая эпоха.

* * *

Никто не вечен,
 судя по всему,
и человек на это не в обиде —
была бы честь оказана ему,
хотя бы на гражданской панихиде.

Не поминайте лихом мертвецов — на каждого приходит разнарядка. И что такое смерть, в конце концов, как не загадка высшего порядка?

НА КОНЦЕРТЕ

Человек рожден для жизни,
потому боится смерти —
мы встречаемся на тризне,
как глухие на концерте:

созерцаем и внимаем
из молитвенного зала,
но совсем не отличаем
увертюру от финала.

НА БИС

Былое в памяти кружится,
бисируя мотивчик пошлый —
моя строка легко ложится
на музыку
из жизни прошлой.

Всего нежней и безнадежней,
пронзительней и безупречней,
случившееся в жизни прежней
бисируется
в жизни вечной.

* * *

Не помню, какого числа,
по воле какого синдрома
дорога меня привела
на место отцовского дома.

Тут жили когда-то вдали
от смутного гула эпохи,
и вот — в придорожной пыли
красуются чертополохи.

Пока мы кому-то назло
по этой земле колесили,
как много воды утекло,
как много домов поносили!

Над нами плывут облака,
и в них отражается детство.
Конечно, земля велика,
и все-таки —
 некуда деться...

* * *

Что остается на память о днях
в бедном доме с перекошенной крышей
и земляными полами в сениях,
где танцевали веселые мыши?

Время уходит почти напоказ —
без промедления и остановки.
Что остается на память о нас,
кроме любви
 и пустой мышеловки?

* * *

Уткнешься вечером в подушку,
забудешь, как тебя зовут;
лишь облака, на всю катушку,
по старой памяти, плывут.

Как будто не было печали,
такая всюду благодать:
и свет в окне, и жизнь в начале,
но до конца
 рукой подать.

* * *

Заботы человека прихотливы,
но каждому понятно, что не зря
душевные приливы и отливы
от лунного идут календаря.

На Рождество, а реже — в день рожденья
я вижу замечательные сны
о жизни до земного пробужденья, —
когда я жил на берегу Луны.

* * *

Снег на улице скоро растает,
а любовь ни жива ни мертва.
Неужели
души не хватает
на такие простые слова?

Но пока убивают, ломают,
распинают и рвут на куски —
почему-то
земли не хватает
для того, чтобы жить по-людски.

Ну, а если душа не отгадывает,
человек навсегда на войне —
к сожаленью,
судьбы не хватает,
чтобы жить и любить по весне.

* * *

Жизнь ускользает понемногу
и обрывается на раз.
Что остается по итогу
на белом свете после нас?

По человеческой природе,
среди березок и осин,
зарегистрированы, вроде,
и дом, и дерево, и сын.

Иду по жизни без рефрена
и знаю, что наверняка
от Мендельсона до Шопена
дорога очень коротка.

Затертый адрес на конверте
легко читается во сне.
И для преодоления смерти
любви достаточно вполне.

* * *

Колесо фортуны вечно скрипит,
и Земля давно пошла по кривой.
Даже Муза над моей головой
сделала невероятный кульбит.

И летит она
 по контуру дня,
где пирует на миру воронье.
Но покуда Муза любит меня,
небожители страхуют ее.

Поэт. Родилась на Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, среднюю школу закончила в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы жила в Москве, занималась литературным трудом «на вольных хлебах». В восьмидесятых годах была автором и ведущей литературных программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. В девяностые годы совместно с российским телевидением создала телефильмы «Цветаева в Лондоне», «Гумилёв в Лондоне», «Скрябин в Лондоне», «Сны Веры Павловны» и др. Автор многих поэтических книг и двух романов в стихах. Лауреат нескольких литературных премий. Создатель синтетических, пограничных с поэзией жанров: «Фото поэзия» и «Кино поэма». Издала трехтомник короткой прозы «Роман в штрихах Термитник 1,2,3» (2020–2024). Работает над новой кино-поэмой «Ангелы Света». Живет в Лондоне и Москве. Гражданка РФ.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОКТЕТЫ

* * *

Ветер осенний бежит без оглядки,
рот разевает —
в сумерки сон наступает на пятки —
сладко зевает.

Ветер, ночную задравши рубаху
до оголенья,
голову клонит на сладкую плаху
сна и забвенья.

* * *

Влаги небесной меня лиши —
ключ родниковый вскрою.
Дикое поле своей души —
выпашу, благоустрою...

Если же света меня лишить,
стану во тьме светиться.
Если же я перестану жить,
вымолю — возвратиться...

* * *

Мир подкачал:
Разор и неуют...
Сад обнищал,
А нищим — подают.

Подай воды в мои сады!
И корму...
А мне сюды —
Врача и хлороформу.

* * *

Слишком поздно вышла из схорона
на слепящий свет.
Я давно уже почтенная матрона,
а почета — нет.

Постояв, как перст, на белом свете,
снова схоронюсь.
Мир меня давно не ловит в сети.
Что же я таюсь?

* * *

Лист ли опавший бежит по земле,
словно бы краб, боком...
Зимнее время стоит на нуле
и обрастает мохом.

Остановились земные часы.
Молча минуты ткутся.
Только небесные знают весы,
надо ли им качнуться...

* * *

Я знаю, что я упаду,
Расстреляна дней чередой...
Что время? Лишь ряска в пруду
Над чистой бессмертной водою.

Что горе? Что радость? Печаль?
Их жизнь в нашем сердце короче,
Чем путь от незримых начал
До Судного дня или ночи.

* * *

Пожалуй, нечего терять
Уже, сейчас, теперь, опять,
На этом скользком вираже —
Теперь, сейчас, опять, уже.

Не сковырнись, неволен час!
Опять, уже, теперь, сейчас...
Свои старанья соразмерь —
Сейчас, уже, опять, теперь.

* * *

О, ты! Моя Душа!
Житейская лахудра!
Филонишь, не спеша,
и поступаешь мудро!

Но я тебя найду,
из-под земли достану!
И приучу к труду.
И жить не перестану.

* * *

Я снова фотолетопись веду:
цветы фосфоресцируют в саду.
А мне снимать — подряд или вразброс —
и молодость, и старость этих роз.

Сад — мал. Но и не с птичий ноготок.
Лоснится лист, бликует лепесток.
Скадрирую все это про запас!
И только звезды брызнули из глаз...

* * *

Пока скорбишь душой
На паперти небес,
Плющ дикий и чужой
Через забор пролез.

Беги ему навстречь!
Руби его в куски!
Чтобы себя отвлечь
От горя и тоски...

ТОСТ

Много бед или утрат —
Молча молишь Бога:
Это плата за талант —
Потерпи немного.

Закалиться трудно, брат,
В этаким горниле...
Выпьем, чтобы за талант
Изредка платили!

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился в 1946 году. Один из основателей и лидеров знаменитого содружества СМОГ. В советское время публиковался только в зарубежных изданиях. Переводил поэзию народов СССР. Стихи и проза на Родине стали печататься в период Перестройки. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент», «Огонек», «НЛО» и других, в различных антологиях и сборниках. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии имени Андрея Белого. Живет в Москве и Коктебеле.

В ДЫМКЕ НЕРОВНОЙ

ПРИСУТСТВИЕ ПТИЦ

Расставанье уходит, как ночь, —
Неужели уж — к чести Вероны —
Не умеют ни сжить, ни помочь
Городов перекрестных вороны?

Не успеют ни слова связать,
Ни себя сохранить, индевея:
Если узел такой развязать,
Распечалит он, слишком довлея.

Придорожный немислимый шаг
Остановится в гуще топорной —
И как носит чалму падишах,
Станут кроны нужней и покорней.

Не терялась бы нынче судьба,
По газонам кощунственно рея,
По испарине с каждого лба
Примеряя, как будто жалея.

То-то шелком шуршат на устах,
На расшатанных памяти пальцах
Папилютки в ее волосах,
Сигаретка измятая в пальцах.

И неспешного толка ответ,
И ненужная роскошь движений,
Словно вышитый жив силуэт
И ошибка его совершенней.

И плутает, петля за петлей,
Обленившись вконец, небылица —
Уходи-ка и крови не скрой,
Опусти-ка иглу, мастерица!

Разорвать бы узор не хитро —
Да не время ли вспомнить о птицах,
Зачернивших снегов серебро,
Как зрачки, трепетавшие в лицах?

Но куда же девать их тогда,
Если высится детством иль действием
Непонятная миру звезда,
Сохраненная сном иль злодейством?

Потому-то они и кричат,
Что растаяли в дымке неровной
Паровозный редеющий чад,
Переезда подарочек скромный.

ФОНТАН У ОКНА

Фонтан у окна,
Стареющий мрамор,
С балкона видна —
Что на море прямо
Уставила взор —
Соседняя крыша, —
Таков кругозор,
Но видно и выше.

Заброшен фонтан —
И смотрит понуро
Присевшая там
Фигурка Амура, —
Вода не течет,
Цветы не алеют,
И весь-то почет —
Что вдруг пожалеют.

А небо над ним
Украсили кроны —
Шалеющий нимб
Для юных влюбленных,
Шумящая ширь,
Зеленая вьюга,
Простая псалтырь
Прибрежного юга.

И вьется псалом
Листвы шелестящей —
И машут веслом
Без выслуги вящей,
И юность легка
В любви и расплате,
И все облака
Подобны регате.

И месяц двурог,
И жжет укоризна,
И это — итог
Непрожитой жизни,
Младенчества лет,
Язычества плоти,
Витающий свет
И тайна в оплоте.

Следы на песке,
Ушедшие ласки,
Часы на руке,
Шаги без указки,
Мерцанье святынь
Вдали по отрогам,
Дыханье пустынь,
Что ждут за порогом.

Притупленность стрел
И стен оголенность,
Жестокий удел —
И эта влюбленность,
Беспечный размах,
Потребность в укор, —
Не в райских садах,
А рядом, в Мисхоре.

И смотрит Амур
Из прошлого чувства —
И странный прищур
Вменяет искусство
В обязанность нам,
Пришедшим проведать, —
И снов именам
Не знать и не ведать.

ПРОГУЛКА — ПЕСЕНКА В МИСХОРЕ

С подветренной стороны,
Подальше, где нет луны,
Подольше бы сон продлился,
Побольше бы нам вины.

Волна за волною вслед
Рисуют стены портрет —
Получше бы я влюбился,
Поменьше бы нам побед.

Тебя бы в глуши земной —
Сюда бы, где свет дневной
Не взором тяжел невинным,
А ношею за спиной.

Но нету свечи такой,
Чтоб вновь освятить покой
С упрямством, вполне завидным,
И праздностью под рукой.

Но нет по ночам меня,
Как нету в печи огня —
Я здесь, но меня укрыли
Нависшие зелена.

Метут, осыпают цвет,
Скрывают в ветвях рассвет —
А той, что расправит крылья,
Наверное, в мире нет.

Стриги же, садовник, куст,
Возьми же из прежних чувств
О встрече, на ту похожей,
Знакомое наизусть.

Держи же себя, собрат,
Развенчанный вертоград, —
Походкою впрямь погожей
Ты выбраться к нам не рад.

Брели мы в тиши густой
Примером четы простой —
Но жив образец раздора
И камешек под пятой.

И машет вокруг листва,
И наши твердит слова,
И вяжет тесьму узора,
И кружится голова.

И я в темноте теснин
Спускаюсь совсем один,
И сам себе собеседник,
И сам себе господин.

И высится гор хребет,
Как будто живой обет,
Как будто немой посредник
Сомнений моих и бед.

И радует моря глубь
Управую пенных губ —
А ты не глупи, приятель,
Попробуй-ка приголубь.

Вели распротиться вдрызг
Средь розгами бьющих брызг —
И есть всему знаменатель,
Ответственность есть и риск.

Взаимное круче скал
С наивностью расплескал,
Пока зубоскалил щедро
Да что-то в себе искал.

Скупая бежит тропа,
Ступая, дрожит стопа,
Лежат, дожидаясь, недра,
И песенка не глупа:

«Любили мы столько лет,
И был я всегда согрет,
Но, видишь ли, — тех секретов
Теперь и в помине нет.

Еще и поныне там
Тянуться устам к устам,
А нынче уж нет советов —
Ушли ко святым местам».

Не надо мне прежних дней —
Небесное все видней
Вовсю озаряет диво,
И дев имена длинней.

Давно разлетелись врозь
Зачинщики поздних гроз —
И срыва чужое чтиво
Меж брезжущих дремлет роз.

Разинет ли клюв птенец,
Раздумье всему венец —
И ты, поднимаясь выше,
Окажешься наконец

На той же ступени сил,
Где шел и вражду сносил,
Где пел и увидел, слыша,
Что живо, чем дорожил.

Поэт. Родилась на Калужской земле, в семье педагогов. Окончила Московский Государственный Институт Культуры, библиотекарь-библиограф высшей квалификации, зав. Читальным залом центральной библиотеки города Обнинска. Член Союза писателей РФ, автор 30 книг и многочисленных публикаций у нас и за рубежом, в том числе и соавтор (автор поэтических текстов) в 10-ти иллюстрированных альбомах художника и стенописца Владимира Овчинникова. Стихи также выходили в журналах «Москва», «Этажи», «Волга», «Наш современник», «Дети Ра», «Литара», «Флорида» «Журнал ПОэтов»; в газетах «Литературная Россия», «Мансарда», «Труд», «Трибуна», «Вечерняя Москва» и т. д. Лауреат различных поэтических конкурсов. Лауреат Национальной премии «Культурное наследие» (2008) Министерства культуры РФ, Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премии газеты Союза писателей XXI века и Холдинга «Вест-Консалтинг» «Поэтоград» (Москва) за 2023 год.

КАК ВЫДОХ И ВДОХ

ПОВОД ДЛЯ ОПТИМИЗМА

А, может, люди не умирают?
Ведь их обратно сажают в землю,
Как рожь для жизни в родимом крае.
Такой подход я весьма приемлю!

Земля ответственна — не пустышка.
Ей доверяют хранить эпохи,
Златые клады... И нам — не крышка,
Выходит, будет, оставим вздохи.

ОТ СЕКСА ДО ВЫСОКОЙ ПОЭЗИИ

Помните, что у нас не было секса?
Так говорил телевизор, и пресса
Этот абсурд сотни раз перепела.
Сексу до них только не было дела!

Вот и с поэзией тоже такое.
Плохо читающим нету покоя:
Где новый Пушкин, Цветаева, Тютчев?
И нагнетают словесные тучи...

Но все идет, как идет, и как должно —
С сексом, поэзией... Паника ложна.
Гении ведь не серийны, заметьте,
Их единичность бесценна на свете.

Но в каждом времени, неповторимы, —
Есть! Вот и наше не может течь мимо
Ныне живущих средь нас самородков.
Все имена будут названы четко!

Как и злодеев? — мне слышится смутно...
Или надежда на это... как будто...
Чтоб неповадно с угрозой для мира! —
Лишь под пером молодого Шекспира...

КЛЕЙМО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Без царя в голове, вообще — без царя,
Потому что — с убитым безжалостно, зря.
И, как малые дети, что дома одни, —
Без руля и ветрил, без присмотра родни...

Что подскажет им самосознание их
Без могучего опыта? Слово из книг,
Пересказанных? Спички, что дразнят всегда?
В общем — неразбериха. А дальше — беда?

Вся надежда на то, что в начале был Бог
И сохранен любовью, как выдох и вдох,
Да хоть что-то, что в сердце способно звучать!
Не одна ж эта Каинова-то печать...

ПО МОДЕ

Соседи избавляются от книг.
Живут по моде, а читать не модно.
Сидеть в смартфоне, окликать других
И с палками ходить, куда угодно,

Как скандинавы, это — в духе дня;
Тренировать не интеллект, а тело,
Хоть совмещать, и то, и то ценя,
Возможно, совершенству нет предела!

Без чтения — реально, коль ликбез
Ведет через наушники работу.
Уходит поколение, интерес
Имевшее к бесценному оплоту.

Жаль книг! Мысль подкрепляется от строк,
Тактильности страниц, тире упругих...
Известно же, что слово — это Бог!
А мода — что? Ориентир и флюгер.

В ПОЕЗДЕ

— А куда вы едете, в Калугу? —
Спрашивает бабочка с испугу,
Залетев в купе сквозь щель окна
И не понимая времена.

Крыльями коврового окраса
Выражая мысли в ритме джаза,
Мельтешит по мутному стеклу,
Превращая пыль с пыльцой в золу.

— Успокойся, — я ей отвечаю,
Приглашая к тепленькому чаю. —
Едем в Тверь, готовимся ко сну...
— Ой, а мне в другую сторону!

— Что ж ты так ныряешь, словно в омут,
В поезда?! Давай, лети к другому
И читай! Я в юности сама,
Как и ты, носилась без ума.

Думала потом, а надо — прежде!
В туркестанской праздничной одежде
Бабочка парирует: — Зато
Есть тебе сегодня вспомнить что!

ХОТЕЛОСЬ БЫ...

Стихи хотелось бы написать коротко,
А жизнь — подлиннее,
Чтобы про каждое сказали: «Золотко»,
Как лист на аллее.

Учиться связям по системе лиственной,
Приветствуя ветер,
Но быть для кого-то одной единственной,
И тем же ответить.

Поэт, критик, издатель. Родился в 1942 году в Рыбинске. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета и аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор Литературного института имени А.М. Горького. Издатель и главный редактор «Журнала ПОэтов», член редколлегии журнала «Дети Ра», член Союза писателей XXI века. Автор многочисленных книг и публикаций. Живет в Москве.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОРКЕСТР

(поэма)

Утром античность была похожа на задник передвижного театра
К вечеру ее свернули в рулон

Там в рулоне Древняя Греция с Древним Римом

Ночью развернули рулон для Шекспира
Ночью Ромео стоял под балконом Джульетты
Впрочем, не было говорят балкона
Но на заднике есть балкон
К утру и этот задник свернули в рулон

Для русской классики был развернут «Вишневый сад»
Его развернули да так и не свернули
Так и висит до сегодняшнего времени
Садов нет а задник «Вишневого сада» есть

У Юрия Любимова никаких задников
Черный театр

Но однажды свершилось чудо
Ставили мою мистерию «Посвящение Сократа»
В Афинах у Парфенона в театре среди колонн
Потом вернулись в Москву и задник свернули

Хотя мистерия под названием
К. Кедров Ю. Любимов «Сократ/Оракул»
Шла с 2002 по 2006 в Москве

В черном театре Высоцкий кричал «Быть или не быть»
Что-то еще кричали что именно я не помню

Впрочем однажды появился занавес
Перпендикулярный по отношению к зрителю
За ним ходил Высоцкий туда и обратно
Иногда даже произносил внятно «To be or not to be»
Один раз шепотом другой раз по правилам внятно
И наконец по-высоцки кричал хрипел

А потом из-за вращающегося занавеса вышли
Юрий Любимов, Андрей Вознесенский
Я, Елена Кацюба,
Алина Витухновская, Михаил Бузник,
Валерий Золотухин
И создали впервые в России и впервые в мире
Первый Всемирный День поэзии на Таганке
Это было 21 марта 2000 года в день весеннего равноденствия

Кружевной занавес Боровского
По слухам продали немцам

Так что вместо задника кружевной занавес
Сплетенный из веревок
Его не свернешь в рулон скорее в клубок
Чем-то он похож на нашу Вселенную
Которая то расширяется то сжимается
То вовсе исчезает из вида

Мой театр умещается в одну строку
Гениального Ивана Жданова
Ты сцена и актер в пустующем театре
Иван Жданов долгое время работал рабочим сцены
Что-то там крутил под сценой

Впрочем это больше похоже
На фильм Феллини «И корабль плывет»
Где там великолепно поют «Силу судьбы»
Кочегары и машинисты в трюмах

Чуть не забыл про театр Кокто
Где Орфея допрашивали в подвале
Не то эсэсовцы не то какие-то другие агенты тайных спецслужб

Диван Обломова существует сам по себе
Без театра без декораций
Как космический объект
Иногда с Обломовым иногда без него

Любимов ненавидел театральную бутафорию
И запах столярного клея

Могила Мейерхольда находится на Донском кладбище
Это называется Могила невоинственных прахов
Где среди невоинственных прахов
И Мейерхольд и расстрелявший его Ежов
И очень много других фамилий

Как же я упустил драматургию Сталина
Где главный конфликт
Противодействие хорошего с лучшим

Он разыгрывался лет семьдесят
На площадях на улицах
В дни всенародных праздников
И до сих пор продолжается
Его же царству не будет конца

Крики «ура, да здравствует товарищ Сталин!»
Сливаются с криками «Саддам, жизнь за тебя отдам!»

Чуть не забыл про театр Петра Первого
Где вместо задника передник
Пётр в переднике по утрам сначала стоит у станка
Чего-то строгаёт
Потом спускается в пыточную
И кого-то пытается

С утра накатило на Чикатило

Отлегло к вечеру
Когда пилотам скажем прямо
Делать нечего

У Гитлера не театр а кино Рифеншталь

Конечно, говорю не о Гитлере
А о театре Гитлера

Театр Островского
— Выходила на берег Катюша
На высокий берег на крутой

Декорация Мольера
— Кой черт занес его
На эту галеру

Театры сегодня это ночные клубы

Никто ни во что не играет все режут и пляшут

Все театры исчезли кроме театра военных действий

Любите ли вы театр?

Идите и умрите в нем

Есть еще театр без режиссера

Есть еще режиссер без театра

Есть театр одного актера

Есть актер одного театра

Зеркальный оркестр отражался в двух литаврах

Зеркальный оркестр отражался в трубах

Зеркальный оркестр отражался во всех инструментах, которые отражают

Зеркальный оркестр отражался в лаковой крышке рояля

Зеркальный оркестр, но музыка была не слышна

Музыки не было

Только все во всем отражались

Отражались, отражались, пока не закончилась игра

А когда игра закончилась, все продолжали отражаться во всем

Прятали футляры инструменты которые отражали

Прятали чехол в зеркальную крышку рояля

Многое прятали что отражалось

Но продолжалась игра оркестра

Немая игра оркестра

И отражалось все во всем отражаясь

О этот мир зеркального отраженья

Тихого абсолютно тихого

Неразличимого слухом

А иногда и спрятанного от зрения

Возможно я ошибаюсь

Что я в тебе отражаюсь

Конечно тебя не видно

Но я в тебе отражаюсь

Скрытое отражение

К музыке приближение

В неотраженный мир ушло твое отражение

Луна и солнце литавры света

Дирижер отражается в двух литаврах
Дирижер отражается в крышке рояля
Дирижер отражается во всем что сверкает и отражает
Умолк оркестр и нет дирижера
Отражения спрятались в темноту оркестровой ямы

Оркестранты переругиваясь несут в футлярных гробах
Множество отражений

Я понимаю почему они в черном

Когда открываются футляры
И свет выходит из заточения
Еще не понятно кто в чем отразится
Еще непонятно какая музыка будет звучать
Впрочем музыка и отражение это два параллельных мира
Вряд ли музыка знает об отражении
Вряд ли отражение слушает музыку
Но я каждый день слышу музыку отражения
Каждый день я слышу музыку отражения невидимого оркестра
Каждый день я погружаюсь в сладкую мелодию
В хаотический мир лучей отражающихся друг в друге

Кто-нибудь запечатлел игру отражений во время оркестра?
Кто-нибудь увидел, как отражения прячутся в чехлы и футляры
Кто-нибудь?
Может быть, только я однажды

Когда мои глаза отразились в твоих глазах

Все помнят музыку а дирижер помнит отражение в отражении

Иногда композитор ночью вдруг видит вспышку оркестра
Вспышку всех отражений
Это звездное небо
Это взрывающиеся галактики
Это разбегающиеся миры
Это вспышки сверхновых звезд
Нет нет нет
Это встреча композитора с музыкой
Которую он не слышит
Но которую он увидел в глазах любимой

Когда Гайдн в «Прощальной симфонии» погасил оркестр
Он хотел избавиться от сияния
Которое осталось в нем навсегда

Когда арфу погребали в гробу рояля
Она еще не знала что это новый инструмент
Которым она звучит

Зеркало разбитое на осколки
Это уже оркестр

Скрипка отражает лик Паганини

Виолончель Ростроповича отражает его лицо

Так их не снимал ни один фотограф
Так не изображал ни один художник

Сколько ликов Чайковского отражено в оркестрах
Сколько ликов Бетховена отражено в девяти симфониях

Так и вижу очки Шостаковича переполненные слезами

Бах ослеп от музыки

Свечи отражались в органы

Дослужились коммунисты до победного итога
Бог не верит в человека человек не верит в Бога

Табу, табу, табу, табу
Царевна спящая в гробу

Мой Бог нарушь свое табу
И оживи ее в гробу

Вы слышите играет Бах
И нету мертвых во гробах

Поверю Моцарту и Баху
И с ними выпорхну из праха

Прах это тайна бытия
Где снова вместе ты и я

9 января 2025 г.

Поэт. Родился в 1955 году в Костромской области. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор десяти сборников стихотворений: «Летучая ладья» (Москва, «Современник», 1986 г.), «Глаза небес» (1993 г.), «Прудяные холсты» (1995 г.), «Четвертый Карфаген» (2000 г.), «Избранное» (2007 г.), «Месопотам» (2010 г.), «Папирус папирос» (2016 г.), «Буколика» (2015 г.), «Лавровишня» (2020 г.), «Печник из Библи» (2022 г.), а также публикаций в коллективных сборниках, альманахах и журналах: «Истоки», «Тверской бульвар, 25», «Литературная учеба», «Волга», «Подъем», «Дети Ра», «Плавучий мост», «Русский путь», «Губернский дом», «Кострома литературная», на сайтах: «День литературы», «Российский писатель», в интернет-журналах: «Парус», «Новая литература» и в других изданиях. Работал актером театра драмы, литконсультантом-редактором регионального отделения Союза писателей России, корреспондентом, ответственным секретарем и главным редактором в периодических изданиях. Лауреат областных литературных премий — имени И. А. Дедкова (2015 г.) и Ю. В. Бекишева (2023 г.). Член Союза писателей XXI века с 2024 года.

ВЫЙТИ К РЕКЕ

* * *

Памяти Иосифа Бродского

От человека — тень лишь. Волос, увитый лавром.
По пейзажу можно выйти к реке. Оттуда —
вечность не за горами. Жизнь остается скарбом
на берегу. У сердца кончилась амплитуда.

Странно: причина смерти в том, что другие живы
и кислорода детям надо оставить, внукам...
Он повторял: конечно видимость перспективы.
На пейзаже точка эта висит над лугом.

Там протыкает небо небытия иголка
и увлекает нити взглядов земных и судеб.
Чистой воды эклога, где и бродить-то долго —
грех. Мы уснем с надеждой: на небесах — разбудят.

Он не проснулся — кожей, профилем на кровати,
к пепельнице рукою, на потолок улыбкой...
В смокингах ли хоронят за океаном, кстати?..
Глупый вопрос, конечно. Реквием пахнет скрипкой.

Тихо скрипит иголка, там — по-над лугом. Точка.
Времени и пространству. Координатам света.
В ворох газет упала от некролога строчка.
Сквозь пейзажа нити нитка судьбы продета.

* * *

Питер Брейгель висит на стене.
Лед в шестнадцатом веке прозрачен.
За окном машет варежкой мне
алконавт дядя Паша Темпачин.

Мимо льда прудяного везут
сено на нидерландской телеге.
Дядя Паша бывает разут,
все от альфы пропив до омеги.

Но сегодня он — кум королю.
Кабана закоптили в трактире.
Машет варежкой. Вдета в петлю
лисья тушка. Пудовая гиря

дядю Пашу уже не гнетет —
«вота пензия... тут, в кармане...»
Зря спешит. В магазине учет.
На коньках тут и там — поселяне.

От заснеженных скал холодок
вдоль спины. Дядей Пашею пропит
на Россию взирающий Бог.
А замерзшие ноги торопят.

Скинуть обувь и эля глотнуть.
Смазать пику, чтоб не заржавела.
Дядей Пашею избранный путь
вдаль уводит тщедушное тело.

Ну и что... Мне бы эля глоток...
Да чумы чтобы не было боле.
А над дядею Пашею — Бог.
Во своей поднебесной юдоли.

* * *

Мы ждали готов. Готы — не пришли.
Аларих заблудился в винограде
у Апеннин и распустил орду
до нового на город Рим похода.
Жизнь продолжалась. Кесарь получал
доносы из претории исправно.
Сенаторы мололи чепуху.

Легионеры посещали термы,
но прежде — лупанарии. Росла
преступность, правда... Но центурионы
нам говорили: это Спартака
фанаты, мол, и прочие плебеи...
Не объясняли только одного:
фонтаны пахнут почему мочою?
И почему гетеры говорят
на готской фене, требуя сестерций?
...А в остальном — жизнь продолжалась, но —
уже без нас, без римлян, ибо дети,
сгоняя нас дрекольем в Колизей,
орали хором: «Римские ублюдки!» —
и поминали Ромулову мать.

ХОККУ

Выросла дочь.
Камасутру листает.
Белые тапочки шью.

* * *

Мальчик сидит на веранде с гербарием
либо коллекцией бабочек вотчины,
экспроприируемых пролетарием,
с буржуазией поскольку покончено.

Гольфы, и шорты, и галстук по-аглички,
кресло плетеное, муха жужжащая.
Снимет фотограф в Когдатобывалецке
мальчику это его настоящее.

В будущем времени, глядя из Кембриджа,
в мальчике прошлом утопит сознание
некто Эн Эн, упорхнувши колибрийше
от немоты своего осязания.

В памяти вынырнув где-то под Вырою,
кресло очистив от пыли и копоти,
мальчик сквозь пальцы, натертые лирою,
время увидит, что прежде могло быть и...

И не свершилось в российском периметре,
и не досталось ему вместе с бабочкой,
чья адмиральская лента повытерта —
пусть не копытом — кухаркиной тапочкой.

* * *

Клетчатая рубаша, банка от «Кока-Колы»
(мусорное ведерко, чтобы бросать окурки),
пишущая машинка (две), в остальном — глаголы
(пушкинские, конечно, но иногда — от урока),
память о Ленинграде, Вене, венецианских
зимах, когда камин не заменяют женщин,
сказанное со сцены или, допустим, наспех,
возле аэродрома, возле античных трещин,
где не звучит пентаметр, где, очевидно, сердце
помнит тебя мальчишкой возле, допустим, Тибра,
скрипка, в которой «шутка» будет звучать как «скерцо»,
яблока ли огрызок или, пардон, верлибра,
память о сыне (тоже смотрит из фотографий),
сорок четыре книги около чемодана,
здесь и Уистан Оден, здесь и Иосиф Флавий,
«Боинг» пересекает линию океана,
чтоб опустить на землю снова и снова, снова
чтобы начать сначала жизнь, и строку, и что там
в жизни еще бывает, перевозимо слово,
переводимо слово (лишь бы не идиотом),
«где этот шунт от сердца?» (мысль на краю кровати),
кофе (когда не надо), кот Миссисипи, точка
(нет запятых в кармане), кто-то идет в халате
по коридору, «память?» (памяти оболочка).

НА МОТИВ САШИ СОКОЛОВА

Для того чтобы книга имела начало,
надо ветку спилить и наделать бумаги,
чтобы ветка потом эту жизнь означала
и смотрела на лес и лесные овраги.

Где сидела на ней не единожды птица.
Где по ней пробегали порою бельчата.
Неплохая на ветке открылась страница.
Не единожды жизнь там бывала зачата.

Даже Пляскину Вите хвататься за ветку
приходилось, когда оттопыривал уши
юго-западный ветер, сдувая соседку
с огорода ее, где посажены груши.

И Норвегов, имея на местности дачу,
мог завидовать ветке, а стало быть, птице,
стрекозе, бумерангу, новеллам Боккаччо,
из которых торчат итальянские лица

(и не только)... «Увижу ль последнюю точку
на последней странице?..» — висит над рекою
знак вопроса. Вода набирается в бочку.
Огурцы воскрешаются из перегноя.

«Так воскреснем и мы!..» — утешает кадило
в этой книге, где щепочка вместо закладки.
...Не сошли мы с ума — по всему выходило.
...Просто были в судьбе кое-где опечатки.

* * *

А. Е.

Железный дирижабль когда-то полз по небу.
Водился в нем портвейн, водился в нем стакан,
водились в нем друзья, и даже на потребу
водились бабы в нем.

«Не стой, как истукан!» —

говаривали там поэту-кочегару,
да он, поэт, и сам уже селедку грыз
и спиртом запивал с хозяином на пару,
чтоб говорить стихи, ступивши на карниз.

«В поэзии — король!» — говаривали, тыча
в хозяина перстом, наперсники проказ.
Наколка на руке гласила — Беатриче.
И даже КГБ был парню не указ.

...И вот лежит в траве машина из железа.
В ней суслики живут, плодится саранча.
Монголия скрипит подобием протеза
под каблуком того, кто плюнул сгоряча

на паровой мотор, где вентили из меди,
на склянку для чернил, где плавала душа.
Шаманы у него монгольские — соседи.
Он — сам себе мишень в прицеле «калаша».

ОДИННАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Ю.

1

Стекло травы растет из рая,
и босиком, из пустоты,
такая музыка большая
несет стеклянные следы,
безветренна в себе, безлистна,
остановилась и повисла
над теплым чудом детских ног,
пока стеклянная отчизна
звенит и капает со щек.

2

Вот облака большая голова,
и мы еще не люди, а слова,
мы люди слов, их ангелы и черти
среди покрытых лесом пирамид...
Как нежно в этом зеркале болит
заплечный взгляд, не ведающий смерти,
и слово сквозь прозрачный алфавит
в бессмертный свет влюбляется при свете
и говорит.

3

Молитвой о снеге начнется мой день
и веткою ветке помашет,
над лесом окликнет крылатую тень
молением о хлебе и чаше.
Ты выйдешь, раздетый, с крестом на груди,
притянутый ветром за шею
по белом полю на лодке грести
и спать до апреля под нею.
Волна пустоты пробежит вдалеке,
и голос, коснувшийся глины,
за Белою Девой пойдет по реке,
за снами твоими, любимый.

4

Из какой печали, печной беды
смотрим, взяв незримое за основу?
Это язык, примерзающий в кристалле воды
к слову,
небом обнявший мясистую мякоть.
Посреди разнотравной твоей бороды
сладко от боли плакать,
от звездной ее пустоты.
На локоть поставив слякоть,
чтобы льду летать, лепетать и крякать,
поднимать хрустальное за мосты.

5

У смерти детское лицо,
она играет в красный мячик
и замыкается в кольцо —
носи на пальце, добрый мальчик,
крути его, как циферблат,
покуда смертный снегопад
себя в себе переиначит
и застекленный виноград
бессмертно плачет.

6

Мы встретили трубочиста
с раздвижной лесенкой на плече
(мы — это я и моя собака),
я ничего не сказала, потому что не верю
в приметы и числа,
новости зодиака
и вообще..
На нем был цилиндр.
Из рукавов
торчали белые перья.
Нет, все же я что-то пролепетала вроде:
здравствуйте, вы в курсе, что счастье приносите?)
Он даже ответил: точнее, я приношу любовь,
особенно осенью.
— Неужели она есть в природе
и так просто стоит за дверью?..
Промолчал, достал из багажника щетку
на длинном шнуре
и, поднявшись на крышу,
в печную трубу опустил щекотку,
засушенную в сентябре
впридачу к дымящемуся кишмишу.
За шнур потянул, расчихался, словно от перца,
и вытянул — чье-то сердце
чуть живое, в креозоте и саже,
в открытой ране, вселенской лаже:
— Лови! — внезапно мне кинул. —
Вот счастье твое, носи немоту его, боль и глину.

7

Окно, прижатое к жильцу,
теплее выдохом и взглядом,
окно лица мерцает садом,
прижатым к скользкому крыльцу,
и между сном и снегопадом
прижатое горит в прижатом,
когда стекает по лицу.

8

Птица из птицы вылетит,
сядет к тебе на плечо...
По наледи бродят вылюди.
Хочешь сказку еще?
Жила-была Галатея,
смотревшая по ночам на звезду возле клена.
Одиночеством холодея,
из речи вылепила Пигмалиона,
помолилась Царице Богородице Пресвятой,
сбегала в небо за живой водой,
коснулась пальчиком смуглой кожи —
любимый ожил.
Еще рассказать?
Гуляла по берегу Божия Мать,
издалека
приметила рыбака —
он же плотник,
русского слова угодник.
Умилилась в улыбку,
приплыла к нему рыбку —
согреет слезы
его в морозы.

9

Это наш поезд в трубе печной,
в белой саже
идет по стеклянной доске речевой
и деревянной даже.
Ох, больно,
глагольно идет, стекольно,
игольно и треугольно
на метельную колокольню —
там ангелы в снежной пряже
в кармашки кладут прикольно
время лебяжье наше.

10

Страхнув надсадный кашель со стола,
смерть выдохлась и в трениках пошла —
смерть Мандельштама, Анненского, Фета,
но не твоя — твоя из сна и света,
из ветра, снега, дома и тепла,
с пустыней в такт и со странною вровень.
В стране зима, соленая от крови,
от боли убиенных тополей —
такая пустота стоит над ней,
что нам не запечатать это в слове —
не втиснутся мерцающие тьмы
и поздний вечер на краю зимы,
когда взойдут пылающие фары
и снежных нитей перпендикуляры,
обнявшие морозные дымы.

11

Деревянные сны, шерстяные,
полевые, как русская боль...
Ты со мною молчишь из России,
говорить мне в Россию позволь.
По-синичьи, сорочьи, по-волчьи,
не захлеб говорить, не навзрыд,
целовать виноградные ночи,
от которых горчит и болит
говорения сладкое бремя,
и в печном близоруком огне
закрываться руками на время,
чтобы вспыхнуть потом в тишине.

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил радиофак Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова. В настоящее время — директор издательства «Книги», главный редактор журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

КАК НАПОМИНАНЬЕ

* * *

И эту осень встретил без тебя.
Она пришла с туманами, с дождями,
Как в прошлый раз: внезапно и нежданно,
Одежды лип надсадно тебе.

С бессонницей, с сомнениями в душе,
Пришла, подчас свергая в безнадежность.
А жить-то — это нужно или можно?
А жить — это еще или уже?

Уже покрикивают в поднебесье гуси
И тянутся веревочкой на юг,
Кричат, кричат печально — не поют,
И в этих криках очень много грусти.

А думается: если б, вот бы мне,
Но никогда мне так вот не подняться,
И нет — не потому что не пятнадцать,
А потому что не с кем! Значит — нет!

Так значит — одиночество и ночь,
А за окном: дождь, сырость, ветер, слякоть.
Кому-нибудь в манишку бы поплакать,
Да и поплачу — не исключено.
Поплачу по-мужски: без слез, без слов,
Без поиска сочувствия чужого —
Нельзя делиться чувством сбереженным,
Оно для этого так трепетно мало.

* * *

Мне кажется, ты бродишь по ночам
И чем-то там гремишь себе на кухне.
Остыл очаг, твоя свеча потухла.
А я — я просто очень осерчал.
Почти что не дышу, боясь спугнуть
Твое присутствие: не по-хозяйски редко
Заходишь ты — скорее, как соседка,
И не как к другу, но и не к врагу.

Тут, в темноте, я слышу, как ты дышишь,
Шуршишь в бумагах за моим столом...
Увы, все это дождик за стеклом
Да ветер, что живет у нас на крыше.
И все же мне так хочется сбегать
Твое дыханье и твое шуршанье,
Которые мне — как напоминанье,
Что больше нет, не будет личных встреч.

Лежу, раскрыв глаза, боюсь заснуть;
Пусть будет это мнимое общенье:
Не возвращенье и не посещение —
Я обманусь хотя б на пять минут.
Поверив в то, что не было разлуки,
Уговорю себя, что можно, нужно спать
И там во сне уже опять искать
Твой голос, твои губы, твои руки.

* * *

Прикурю от солнца сигарету,
Зачерпну из облака вина
И рвану гулять по белу свету,
Прыгнув из открытого окна —

Только не почувствую полета,
Грохнусь оземь родную свою.
Там, в сырой земле, ты ждешь кого-то —
Может, душу грешную мою?

Что тебе теперь мои заботы?
Ты теперь не плачешь? Хорошо!
Ждешь меня? Или еще кого-то?
Я приду — иду пока еще!

Замер мир в безмолвном ожиданье,
Ты теперь вне времени — увы.
Май гудит вишневыми садами,
Небо дразнит соком синевы.

АВВАКУМ

Особенно весной, перед рассветом,
Услышав крик летящих лебедей,
Я вспоминаю старую легенду,

Я вспоминаю Пустозёрск и пустошь.
Вот вековой острог среди замшелых
Огромных неподвижных валунов.
А выше, на оттаявшем пригорке,
Где каплями брусника проступила,
У сруба свежего — елового и в льдинках —
Четыре смоляных столба чернели.
Готовых, чтоб...
Стояла тишина.

Какая тишина тогда стояла!
Как будто бы во сне.
И только где-то,
В бездонной высоте,
На неизвестной никому пока что ноте
Звенела птица.

Четыре узника, закопанных по горло,
Четыре земляных и безъязыких...
(Точнее: безъязыких было трое —
Не сжалилась, а дрогнула рука
У палача, когда он вырывал
Источник скверны против православных.)
...Четыре земляных и безъязыких
Недоуменно слушали ту птицу
И радовались бесконечной ноте,
Которая плыла над Пустозёрском,
Символизируя последнюю зарю.

Всегда,
Во все века,
У русских в сердце
Должна быть вера в то,
Что есть на свете
Добро и правда.

И лишь веря в это,
Возможно дальше жить, бороться, мыслить!
Такая это огненная вера.

Как при Нероне первых христиан
Обматывали ветошью и шерстью
И, поджигая, гнали впереди,
Чтоб освещать дорогу ночью войску,
Так тут — такая огненная вера.
В любые годы, трудные, быть может,
С какой-то точки зренья, но в любые,
В России каждый рад и каждый хочет
Гореть, как факел, или вспыхнуть спичкой.

Стрелецкий голос, как пила,
Внезапно:
«И за великие хулы на царский дом...»

Потом к столбам их повели на гору
Полузаснеженную.
Было все готово:
Солома, пакля, хворост и дрова.
Внизу темнели люди, но немного
И небольшие, все куда-то шли
И останавливались, и чего-то ждали.
Вот здесь, под Пустозёрском, в это время.

Взметнулся вверх огонь
сквозь дым смоленный,
И бороды взметнулись, а глаза —
Не боль, а удивленье в них горело.
И радость, может быть.

Какая тишина потом стояла!
Озябло сердце. Вот она, любовь
Моя открылась —
Так не земляными
Червями были вы,
А корнем вечным
Моёй любви...

Поэт. Автор многих поэтических сборников. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Смена», «Дети Ра». Член Союза писателей СССР с 1983 года. Член Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

ВЕСЕЛЫЙ ФЛАГ ДУШИ

ДОНОР

Раньше гонорар, а нынче гонор...
Для кого-то ты духовный донор;
Дарят лайки, добрые слова
Люди, в ком душа еще жива.

ТЕАТР АБСУРДА

Борцы с коррупцией, ты с ними не шути,
С вором и взяточником им не по пути.
Но, посягнувших миллиарда на три,
Мы можем видеть не тюрьме — в театре!

ОБМАНЧИВОСТЬ

Высокие, кудрявые,
все девочки — для вас!
Их головы дырявые
не ведают подчас,
что влюблены по глупости...
Суров порядок сей:
чем принц
кудрявей в юности,
тем в зрелости — лысей.

КОНКУРС

Пытая счастье в жуткой давке,
Судом жюри себя не тешь ты!
Так, чем значительнее ставки,
Тем незначительней надежды.

БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ

Ни мало не боясь, что сдавливают годы
Круги своих колец в томительной глуши,
И несмотря на все напасти и невзгоды,
Резвится на ветру веселый флаг души.

ЛЮБИМЧИКИ

У нас бывают господа:
Чуть что — туда,
Чуть что — сюда.
У них всегда особый путь;
Чуть что —
Опять куда-нибудь...

БЕСПРАВНЫЙ

Поэт бесправен, как и встарь,
Обидит всяк: не царь,
Так псарь...

ВЕРА В ЧУДО

Дайте всем перебеситься
И по миру поноситься,
Кто с задумкою какой,
Кто с протянутой рукой.
Кто народ честной дурить,
Кто ворованное скрыть.
Дайте всем всего,
покуда
Не умрет в них «вера в чудо».

Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

НА ВОЛЕ

РЕИНКАРНАЦИЯ

слушаю Моцарта
слушаю Сергея Орехова
не исключаю
что реинкарнация не выдумки

2025

LA VIE CONTINUE

стихотворчество
как морфий
жизнь продолжается

2025

СОБЕСЕДНИКИ

мои собеседники —
кошки и собаки
деревья
я сам

наверное
не самый утешительный диагноз поставил бы мне психиатр

слава Богу
что я на воле

2025

ЖИВАЯ

искусственная песня
искусственная книга
искусственная пища
искусственное тело

душа — живая

2025

Прозаик, поэт, После окончания в 1992 году Харьковского государственного института культуры работала библиографом в библиотеках Полтавы и Воронежа. В 2006 году вышла замуж за француза и уехала во Францию, где и живет в крошечном городке в горах под названием Вогезы на востоке страны. Путешествует, фотографирует, пишет акварели, стихи и рассказы.

ФРАГМЕНТ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ «БИБЛИОЕКАРША, ИЛИ ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ»

ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК. 1972–1978 ГОДЫ. ПЕРВАЯ РАБОТА. ДОНЕЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ЛЮБОВЬ

По возвращении домой в ясеневый городок я узнала, что поступили в вузы только трое одноклассников: наши золотые медалистки — Люда Костылева на прикладную математику в Донецк, Лена Клипак в Московский железнодорожный институт и Рая Нижняя в Горловский автодорожный. Исполнение мечты Люды Кулаковой стать переводчиком, мальчиков — горными инженерами, а моя — археологом отодвинулось на неопределенное время. Сразу скажу, что за судьбами одноклассников я не следила и не знаю, как они сложились.

Еще одна новость меня ошеломила и заставила задуматься: у нас с мамой накопился долг в 400 рублей — тут и выпускной с дорогими туфельками, и поездка в Пермь. Ничего удивительного, что долг — мы всегда жили в кредит, но на этот раз долг был частному лицу. Мама не говорила о долге до пермского путешествия, чтобы не пугать меня. Она собиралась гасить долг частями с новой, чуть большей зарплаты бухгалтера в строительной организации, куда недавно устроилась. Я решила искать работу немедленно и недели две обходила ясиноватские предприятия. Рабочего места для вчерашней школьницы не оказалось.

Мама смогла договориться со своим новым главбухом строительной организации, что меня возьмут ученицей в бухгалтерию. Такой должности в штате нет, поэтому меня оформили рабочей склада с 25 сентября 1972 года на 60 рублей заработной платы. Мы считали, что нам повезло. Сидела я в уголке бухгалтерии за маленьким столиком тихонькой мышкой. В мою работу входила заготовка специальных бухгалтерских журналов с перечнем строительных материалов. Я в столбик переписывала

разные названия, как то: кирпич силикатный белый, кирпич силикатный серый, цемент такой-то марки, гвозди разных номеров и названий, блоки, шлакоблоки и т. д., а настоящие бухгалтеры вписывали цифры прихода-расхода и делали баланс-учет. Моя работа была вспомогательной, но полезной, так как сокращала время для ведения учета. За четыре месяца я заработала 240 рублей, и наш долг сократился наполовину. К сожалению, моя ставка потребовалась для действительной работы грузчиком строительного склада, на которую я была не способна, и мне пришлось уволиться.

Начались новые поиски работы. Неожиданно помогла мода. В то время модницы носили огромные прически с шиньонами и накладными косами, а у нас лежала моя отрезанная детская коса, которую мама берегла как память. Да и нынешняя моя гривка была пышной. Тетя Поля посоветовала превратить наши природные ископаемые сокровища в деньги. Я тут же сделала короткую стрижку, а свои волосы бережно собрала с пола парикмахерской. Тетя Поля нашла мастера по шиньонам, а потом удачно продала шиньоны на петровском рынке. Так мы выручили еще 120 рублей.

Работу я нашла самостоятельно, чем очень гордилась. В Ясиноватскую дистанцию лесозащиты меня приняли рабочей оранжереи с марта месяца. Правда, мне пришлось работать не с цветами, а с рассадой в парниках по локоть в грязи, но я была довольна — как-никак, а зарплата — 80 рублей в месяц. К маю мы с мамой выплатили долг и вздохнули свободно.

И тут подвернулся случай обменять нашу двухкомнатную квартиру почти без удобств на однокомнатную со всеми удобствами, но в Донецке. Мы согласились на обмен с радостью, потому что уже решили, что поступать я буду в Донецкий университет. Обмен состоялся, и в конце мая 1973 года мы переехали в Донецк на проспект Семашко в Кировском районе.

Район располагался далеко от центра Донецка, а тем более от моих парников в ясеневом городке, поэтому мне пришлось опять уволиться и искать новую работу уже в Донецке. Жизнь в Донецке позволяла поступать на вечерний факультет университета. К сожалению, вечернего исторического не было, а вечерний филологический состоял всего из двух групп — русской и украинской литературы — по 25 человек в каждой. Конкурс был довольно значительный — по четыре человека на место. В августе я сдала экзамены, получив по сочинению, истории и французскому отлично и опять четверку по профильному предмету — русской литературе. Экзаменационная история повторилась один в один, принесла нам жуткую нервотрепку вплоть до дня зачисления. На экзамене мне досталась статья И. А. Гончарова «Милльон терзаний», которая и доставила мне милльон терзаний, потому что рассказать о статье я смогла лишь тезисно и не совсем уверенно. К счастью, в билете было еще два вопроса, и ответы на них позволили мне получить хорошую оценку.

Филологический факультет занимал старое здание бывшего педагогического института на Университетской улице. Длинные пустые коридоры и классы с партами на троих напоминали школу, я была разочарована. Прошлогодние коридоры Пермского университета были заставлены старинными застекленными шкафами с разными сокровищами: скелеты неизвестных мне животных, банки с их плавающими внутренностями, полудрагоценные камни, пусть и запыленные. Все это хозяйство было снабжено пожелтевшими этикетками на латыни и создавало атмосферу старинного настоящего университета, к тому же вступительные экзамены мы сдавали в больших наклонных аудиториях.

Новый Донецкий университет располагал двенадцатиэтажной новенькой башней главного корпуса и целым кварталом старых двухэтажных зданий, доставшихся от пединститута, и где размещались факультеты менее престижные — филологический, биологический и физический. После зачисления я зашла на филфак. Чувствуя себя уже студенткой, подо-

шла к доске с расписанием занятий и разными объявлениями и все внимательно изучила. Занятия на вечернем факультете будут проходить с шести до десяти вечера в две пары. Учебные дни — понедельник, вторник, четверг и пятница.

Первое занятие — в понедельник в шесть вечера, первая пара — старославянский язык, вторая пара — античная литература. Звучало так заманчиво, что я вообразила, как попаду в живую историю, с которой меня познакомят седобородые старцы-преподаватели, и смирилась с филфаком сразу.

На первое занятие я вышла из дома заранее, за час с лишним, но все-таки не учла вечерний «час пик», когда люди уже едут с работы и транспорт переполнен. Трамваи из центра города возвращались на нашу окраину почти сплошной цепью переполненными, а вот в центр не было ни одного. Наконец появилась трамвайная мордочка. Полчаса в трамвае показались мне вечностью. Я поняла, что опаздываю на первую в жизни университетскую лекцию. Кроме трамвая, мне надо пересестись на троллейбус и проехать еще пару остановок.

К счастью, троллейбусы шли чередой и довольно быстро. Я неслась к учебному корпусу бегом, влетела в абсолютно пустой вестибюль и, еле переведя дух, с трудом нашла на втором этаже плотно закрытые двери аудитории. Все-таки решилась, приоткрыла и скользнула молча на первое свободное место у двери, сев в спешке на сумку соседки. Она недовольно и молча выдернула сумку из-под меня, я шепнула «простите» и подняла глаза на преподавателя.

В аудитории стояла тишина. Молодой преподаватель строго смотрел на меня и, встретившись со мной взглядом, укоризненно покачал головой. Потом он продолжал говорить что-то организационное — в частности, представил нам старосту нашей группы. Опять все взгляды уставились на нашу парту — встала высокая девушка и улыбнулась всем, неловко оборачиваясь на все стороны. Преподаватель заговорил о вступительных экзаменах, отметив возросший конкурс и высокий общий уровень ответов. Он сказал, что вступительные сочинения его не порадовали, потому что из двухсот сочинений только три сочинения посвящены Пушкину, причем два из них посредственные, а одно замечательное. Пушкинская тема действительно была сложной и необычной — «Золотая» молодежь в романе «Евгений Онегин».

Я напряглась, потому что писала как раз по Пушкину. И вдруг преподаватель попросил встать Ковшевникову. Я растерянно встала за партой под его недоуменным взглядом. Опоздавшая и взлохмаченная студентка со смешными хвостиками оказалась автором отличного сочинения. Преподаватель тоже заметно смешался, но, улыбнувшись мне, продолжал хвалить мое сочинение, назвав его не сочинением, а изящной художественной миниатюрой и заключив фразой, что за несколько лет работы он ничего лучшего из сочинений не читал. Мое сердце билось, как сумасшедшее, от счастья. Спасибо, Пушкин!

Тут раздался спасительный звонок. Оказалось, через сорок пять минут, как в школе, предусмотрены маленькие перемены. Я вздохнула с облегчением. Староста Наташа Шабанова и соседка Ира Райцес, с которыми я случайно оказалась за одной партой, уже с интересом смотрели на меня и легко познакомились. Они обе были из Макеевки и выехали на занятия тоже заранее, чтобы не опоздать. Но мой дальний район Донецка оказался даже более неудобным по транспорту, чем другой город. Мы с удовольствием обсудили предстоящие нам транспортные трудности.

И тут Наташа поразила меня новостью, которую я пропустила из-за опоздания: оказалось, что молодой преподаватель — это наш декан и он же преподает старославянский язык. Вот тебе и старец с бородой, которого я возомнила!

Старец с кудрявой бородкой, как на музейных статуях, которого я вообразила в качестве преподавателя античности, тоже не появился на лекции по античной литературе. Преподавать античную литературу пришла маленькая, худенькая женщина с литературной фамилией Шевченко. Я была разочарована и внешностью, и тихим голосом. Очарование пришло позже и нарастало с каждой лекцией все более и более. Неантичная Шевченко легко превратилась в Сапфо. Древнегреческая литература оживала на ее бледных губах без помады. Матовое лицо на лекциях слегка оживлялось, но сохраняло в целом скульптурную неподвижность. Тихий голос уже не раздражал, а завораживал. В аудитории стояла благоговейная тишина. Лекции оказались настолько замечательными, что, даже вернувшись домой после одиннадцати вечера, я до часу ночи читала с увлечением древнегреческие тексты. Мой любимый Сергей Радциг был прочитан от корки до корки еще в конце августа. Мамин подарок — университетские учебники — долгие годы сопровождал меня, а учебник по истории древнегреческой литературы С. И. Радцига я люблю и ценю всю мою жизнь.

Французский язык манил меня в Париж с одиннадцати лет. Знания мои ограничивались школьной программой, на репетиторов денег не было. Надеюсь, что занятия в университете расширят мой убогонький французский. К сожалению, надежды не оправдались. Одна пара раз в неделю. Правда, группа «французики» была всего в шесть человек, из них два — наши мальчики с почти нулевым уровнем французского. На занятия мы ходили в главный корпус на девятый этаж в лингафонный кабинет, учились по учебнику Витрешко.

Первые два месяца французская мадам мучила нас фонетикой, и дальше открытого-закрытого э мы не сдвинулись. Стены лингафонного кабинета молчали, а аппаратуру нам не включали. Зачем стараться для вечерников непрофильного факультета? Им французский в жизни не потребуется, не правда ли?

Через пару месяцев пришла новая «французенка» — Любовь Ивановна Кофанова, только что вернувшаяся из Африки, из крошечного государства Сомали, где два года работала с африканцами. Надо сказать, что в бывших французских колониях до сих пор хорошо учат французскому, там есть даже гимназии с обучением на французском языке. Впрочем, про Сомали она нам ничего не рассказывала, зато я впервые видела человека, полгода прожившего в Париже. Очарование Парижа перешло на «нашу Любашу», как мы стали называть маленькую изящную и модную даму бальзаковского возраста. Ее внешность удачно вписывалась во французский стереотип.

Кроме грамматики для неязыковых вузов, мы учили наизусть французские стихи, до которых наша Любаша была большая охотница и даже сама их переводила русскими стихами. В общем, она нас очаровала, и мы ходили на все занятия без пропусков в течение двух лет. Кто же мог подумать, что через тридцать лет французский язык станет мне жизненно необходим и я почувствую на себе как плюсы, так и минусы нашего обучения. Хорошо, что в памяти остались хоть какие-то базовые понятия, плохо, что не было разговорной практики. С грехом пополам, но я уже много лет общаюсь по-французски, живя в крошечном французском городке, и меня понимают.

Еще одним светлым пятном в моей памяти остался преподаватель латинского языка Николай Реверский. По сведениям одногруппницы Натальи Талышевой, а мы ей доверяли как секретарше ректората, которой многое было известно из университетской жизни, Реверский был поляк и учился в Варшаве, поэтому латынь для него почти как родной язык. Реверский мне запомнился в клубах папиросного дыма. Они обволакивали его худую фигуру так плотно, что сливались с вечно серым пиджаком.

Реверский практиковал сдачу латинских текстов наизусть в коридоре на переменах или после лекции, когда он мог затягиваться беспрерывно. Лица студенток пропадали в густом

дыме, он их не запоминал, а вот наши голоса или даже скорее всего произношение Реверский запоминал. Обмануть его было невозможно: я убедилась в этом сама. К концу первого семестра Реверский задал нам выучить наизусть пять латинских текстов. Сдавать их можно по частям на переменах. Мы подходили к нему на перемене с готовым выученным текстом и произносили его, глотая табачный дым. Реверский доставал из кармана черную записную книжечку, ставил против фамилии студентки крестик и отпускал с богом до новой пытки.

Я воспринимала такой контроль пыткой, во-первых, потому что не выносила табачный дым, я никогда не курила, да и в нашем семейном окружении курильщиков не было, поэтому я просто задыхалась рядом с Реверским;

во-вторых, заучивать наизусть тексты не любила и даже мои любимые стихи запоминала только тогда, когда годами возвращалась к ним. А тут изволь учить прозаический текст про Катилину. Ритм мерной латыни оставлял меня равнодушной в то время, каюсь. Ну, с грехом пополам вызубрила и сдала три самых маленьких из пяти текстов. Три сдачи в течение трех месяцев мне показались чрезмерными, я решила схитрить и в декабре подошла с невинными глазками к дымному Реверскому, чтобы прочитать еще раз второй текст, наивно полагая, что преподаватель наверняка забыл мой прежний ответ, а безликий крестик в черной книжечке ему не поможет вспомнить.

Я протараторила текст. Реверский медленно затянулся, выдохнул дым мне в лицо и, не доставая черную книжечку, проговорил: «Очень хорошо, но этот текст я уже слышал от вас, переходите к следующему». Я покраснела, пробормотала извинение и ретировалась с поражением под кривую хитрую улыбку спокойного Реверского. Пришлось доучивать оставшиеся два текста. К счастью, при сдаче Реверский не напомнил мне попытку обмана. Думаю, он привык к таким невинным студенческим штучкам.

Как ни странно, постепенно я полюбила латынь и ходила на лекции и зачеты к Реверскому с удовольствием, правда, старалась держаться подальше от дымных облаков и никогда с ним не разговаривала на переменах. Некоторые наши курящие студентки с удовольствием с ним болтали в сером дыму сумеречного коридора, находя Реверского блестящим собеседником. Охотно верю. Реверский был незаурядной личностью. Чего не могу сказать об остальных преподавателях, которые абсолютно исчезли из памяти, растворились, как папиросный дым Реверского.

Поэт, литературовед. Родился в Кирове в 1960 году. Служил в авиации Черноморского флота в Крыму. Окончил Вятское художественное училище им. А.А. Рылова. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Нева», «Зинзивер», «Юность», «Арион», «Журнал ПОэтов» и др. Автор многих книг стихов. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века. Живет и работает в Сочи.

СЛОВО О «СЛОВЕ» И РУССКОМ ВЕРЛИБРЕ

ШТУДИИ

В четвертом классе впервые прочитал «Слово о полку Игореве». Было такое ощущение, что это сказка, что ее написал Александр Сергеевич Пушкин. От прочитанного веяло былинной стариной, а во время чтения мне казалось, что за каждой страницей загадочной книжки таились неизвестные мне персонажи пушкинских сказок и баллад.

За окном нашей светлой и уютной комнатухи стояла осень. Во дворе и в сквере дворники жгли осенние листья, мы жили с мамой в квартире на двух хозяев. Мне представлялась река моего детства Вятка, что именно где-то там, на другой стороне реки, в слободе Дымково и за ее пределами, происходили те героические и сказочные события. И я ощущал в воздухе запах дыма от кострищ и пожарищ того далекого былинного времени.

Позже, в классе восьмом, узнал, что «Слово полку Игореве» — это величайший памятник словесного искусства, созданный в XII веке, когда шла междоусобица русских князей, а раздробленную Русь подминали иноземцы. Но впечатление осталось и до сих пор не отпускает, хотя прекрасно понимаю, что древний памятник, его поэтические образы, ритмы, его композиционные приемы, своей гениальной силой повлияли не только на творчество самого Пушкина, но и отразились в русской поэзии и прозе и продолжают отражаться по нынешний день.

«Слово о полку Игореве» всегда актуально. Идея объединения и защиты Русской земли — тому основа. В нем русский дух сопряжен с духом языческих богов, с полем и лесом, небом и морем, горем и радостью, мужеством и героизмом русских воинов.

В Древней Руси песни и былины пели и проговаривались под аккомпанемент гуслей, бубна, помогавших удерживать песенный ритм, в паузах которого гусяры-сказители, скоморохи могли вдохнуть и выдохнуть

или перевести дух, тем самым как бы обозначая концовку пропетой и проговоренной части повествования. Этот необходимый прием вдоха и выдоха, полнота набранного дыхания для полного произношения высказывания части песни, причитания или заговора, формировал в древнерусском словесном искусстве рождение русского стиха. Прием «дыхания» также свидетельствует о пронизывающей «Слово» стихии устной речи, а приемы ораторского искусства справедливо отмечали некоторые его исследователи (Н. Асеев) [1].

О возможности и необходимости эксперимента в литературоведении писал в начале прошлого века теоретик литературы и стиховед Б. И. Ярхо, уделявший особое внимание в своих работах трансформации жанра, как, впрочем, и всего строя выразительных средств [2]. Семантическая дифференция текста «Слова о полку Игореве», в данном случае в «Плаче Ярославны», как совокупность его повторяющихся изменений, где любой компонент произведения мотивирован одновременно связностью со всеми элементами, подверженных деструкции, принадлежит к разным компонентам всего произведения. «Плач Ярославны» — это классический пример матрешечного верлибра. Если вспомнить матрешку, что в одной матрешке есть несколько матрешек, так и в матрешечном верлибре существует несколько верлибров.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

— I —

На Дунае Ярославны голос слышен:
одинокая кукушечка рано-рано кукуват...
«Полечу я, — плачет Ярославна, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелковое крыло в Каяле-реке,
окроплю водой живую князю раны кровавые
на могучем его теле».

— II —

Ярославна кличет поутру в Путивле
на стене крепости, приговаривая:
«О ветер-ветрило!
К чему, господин,
ты веешь так сильно?
К чему ты лелеешь ханские стрелы
на своих легких крыльях
для воинов моего суженого?
Или мало тебе вершин под облаками?
Или мало тебе
корабли на море синем лелеать?
За что ты, о ветер, ветрило, мое веселье,
как траву-ковыль, по горю развеял?»

— III —

Ярославна плачет поутру
на стене городской в Путивле, причитая:
«О Днепр Славутич, ты пробил горы каменные
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе военные лады Святослава
до полков Кобяка.
Прилелей же ко мне мою ладью Святослава,
чтобы плач мой не слышен был
на море утром ранним!»

— IV —

Ярославна чуть свет кличет
на стене городской в Путивле, причитая:
«О светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты красно и прекрасно: зачем ты, владыко,
простерло смертельные лучи на воинов
моей ладьи Святослава?
В море безводном жаждой им стрелы скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

(Перевод А. Вепрёва)

Кроме того, в «Слове» присутствуют другие примеры матрешечной структуры, имеющей образную, ритмическую и композиционную организацию, что, собственно, отличает верлибр от прозы. Например, в «Разговоре Кончака с Гзаком» (тоже классический пример матрешечного верлибра):

*Молвит Гзак Кончакови:
«Аже сокол к гнезду летит,
соколича ростреляеве
своими злачеными стрелами».*

*Рече Кончак ко Гзе:
«Аже сокол к гнезду летит,
а ве соколца опутаеве
красною дивницею».*

*И рече Гзак к Кончакови:
«Аще его опутаеве красною девицею,
ни нама будет сокольца,
ни нама красны девице,
то почнут наю птици бити
в поле Половецком».*

(Из текста из древнерусского оригинала «Слова», по изданию 1800 года. Орфография максимально приближена к современной. Композиционное построение графической конструкции текста А. Вепрёва.) [3]

Если рассмотреть весь текст «Слова о полку Игореве» с точки зрения матрешечного верлибра, то можно легко выделить в нем текстовые модули, разнообразные виды, модификации и флуктуации, преобладающие к миниатюрным элегиям-матрешкам. То есть в памятнике древнерусской литературы присутствуют «родники» матрешечного верлибра, образующие не только структуру, но и само понятие «свободного стиха русского строя», впрочем, как некоторую его особенность или способность к популяции разновидностей и различных его подвидов, имеющее существенное отличие от западно-европейского и американского верлибров [4].

Матрешечный верлибр также строится по типу цепочной сказки и относится к типу цепочной сказки (кумулятивной сказки, рекурсивной сказки, цепевидной сказки), выросшей из песенных и говорных жанров устного народного творчества [5]. Эффект одной из основных разновидностей матрешечного верлибра основан на повторах повествования, характерного образа и действия, меняющегося по той или иной причине и доходящего до кульминации. Также он состоит из нескольких верлибров, частей, объединенных общей темой, единым замыслом, поэтическим настроением, любой из них может существовать отдельно [6] [7].

Перефразируя поэта М. Д. Деларю, который в 1839 году исследовал и перевел «Слово» размером «русского гекзаметра», предположу, что «Слово»

можно передать с точностью не тоническим размером наших народных песен, и еще менее ямбом, как сделали это переводчики, поэты и писатели, не поэтической мерной прозой или русским гекзаметром, а матрешечным строением — матрешечным верлибром как одним из вариантов русского верлибра, мерою, столь свойственную строению и духу русского языка [8] [9].

На современном русском языке существует около 100, а по некоторым данным, 200 переводов «Слова»: подстрочные, поэтические переложения. В основном все переводы относятся к типу переложений, авторы которых позволяют себе те или иные отклонения от оригинала: это могут быть использование разных форм, современных стихотворных размеров, те или иные добавления сюжетных деталей и т. д. Среди переводчиков «Слова» на другие языки есть деятели национальных литератур. Владимир Набоков перевел «Слово» на английский язык. В числе переводчиков «Слова» — крупные русские и советские поэты. Пушкинский архив хранит многочисленные заметки, свидетельствующие, что гениальный поэт стоял у истоков работы над переводом памятника древнерусской и мировой культуры.

Отмечу, что в переводах В. Жуковского, Н. Павлова, Г. Шторма, С. Басова-Верхоянцева, С. Шервинского, И. Новикова, А. Чернова присутствует деление текста на смысловые фрагменты, фигуры и части, напоминающее матрешечную систему. Смысловая и графическая композиции являются стержнем, на нем держится и строится корпус нескольких частей (в большинстве случаев самых что ни на есть верлибров).

Говоря о матрешечном верлибре, нельзя обойти вниманием опыт реконструкции графики исходного текста «Слово о полку Игореве», сделанной А. Дыбо [10]. А вот структура реконструированного текста, выполненная С. Николаевым, наиболее сильно приближает нас к матрешечной форме русского верлибра, хотя исследователями ставилась и решалась совершенно другая задача. Андрей Чернов считает, что «Слово о полку Игореве» написано

тоническим аллитерационным стихом, в некоторых частях переходящим в свободный аллитерационный стих.

В 2020 году в своей работе «Слово о полку Игореве: реконструкция стихотворного текста» С. Николаев принял предложенное исследователем и переводчиком «Слова» А. Черновым деление текста на относительно короткие строки, и, расставив ударения, он обнаружил в тексте метр и наличие регулярных звуковых повторов. Тем самым подтвердив гипотезу А. Чернова не только о «звучании» безударных гласных (в древнерусском языке слабые редуцированные полностью исчезли в XI–XII веках), но и о наличии рифмоидов, аллитерации, ассонансов [11].

Надо отметить, что рифмоиды, аллитерации присутствуют в гетероморфном стихе (Ю. Орлицкий) [12], а созвучия и ассонансы допускаются в матрешечном верлибре (А. Вепрёв). Что касается архитектоники «Слова», то она, по мнению В. Бирчака, походит на строй византийского канона, складывающегося из 8–9 песен, каждая из которых состоит из нескольких одинаковых строф, построенных по определенной схеме. Но тогда получается, что число слогов в словах могло быть упущено переписчиками или что при исполнении «Слово» пелось: разница могла быть компенсирована растягиванием звуков.

Справедливости ради предположим, что все эти открытия и находки еще раз подтверждают существование, так скажем, некоторой твердой формы системы стихосложения, существовавшей в Древней Руси, возникшей на основе песенных форм эпоса, летописей, богословских трактатов. Рифмованные стихи, прибаутки, раешник, существовавшие тогда, все-таки относились к скоморошному жанру [13].

Д. С. Лихачёв подчеркивал, что «Слово о полку Игореве» состоит из своеобразной музыкальной композиции, в которой каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством, все части вместе гармонично слиты в единое и удивительно законченное произведение [14]. Что, собственно, на мой взгляд, отличает русский верлибр от западноевропейского и американского верлибров.

Сам по себе матрешечный верлибр ставит принципиально ясный вопрос не только о типологии русского верлибра, имеющего отличие от западных верлибров, но и о русском матрешечном коде, коде русского стиха, коде русского чуда, коде Пушкина и Хлебникова, коде «Слова о полку Игореве» и русском генетическом коде. Генетическая память, родовая память, она закреплена в каждом человеке. Считается, что генетическая память может находиться в спящем состоянии и «пробуждаться», активироваться, для чего необходимо внешнее воздействие или событие. Не зря «Слово о полку Игореве» «пробуждается» в самые сложные и судьбоносные времена нашего Отечества. Так было перед войной с Наполеоном и перед Первой мировой... Как метко заметил А. Чернов, «поэма, попадая в резонанс с новой современностью, не может не искрить пророческими смыслами».

В каком-то смысле «Слово о полку Игореве» — чудо, святыня, икона.

В конце 1941 года в самый разгар битвы за Москву по приказу Сталина над городом был совершен «воздушный крестный ход» — столицу облетел самолет с иконой Богородицы. Во время проведения военной спецоперации на Украине 15 мая 2023 года президент Владимир Путин распорядился передать икону «Святая Троица» Андрея Рублёва из Государственной Третьяковской галереи в распоряжение Русской православной церкви «для общенародного поклонения».

Разве это не чудо слова, если слово за словом — рождает новое слово?

Человек, пользующийся мудростью и знаниями предков, обладает большой внутренней силой и уверенностью в себе, так и святыня, намоленная икона, обладает генетической памятью и способностью сотворить чудо.

Сосуществование русского верлибра с европейским и американским — это не соперничество и тем более не противостояние разных культур во славу бога войны, это прежде всего дружеское застолье, и в нем нет никакой угрозы, и этот пир Диониса, Гелиоса и Афродиты лишь объединяет и наполняет развитие литературных жанров и всей мировой литературы. Памятник древнерусского словесного искусства «Слово о полку Игореве» — тому подтверждение, продолжение и начало.

Разумеется, опыт предшественников-переводчиков, многочисленная научная и познавательная литература помогают открыть для себя по-новому текст «Слова о полку Игореве», а вот осмыслить и понять некоторые его части, наверное, невозможно: большинство «темных мест» и загадок так и остаются «темными местами» и загадками не только для переводчиков, но и для знатоков древнерусского языка. Нечаянные открытия, сделанные исследователями, относятся к предположениям, догадкам и даже небылицам.

Например, «...тот же звон слышал в давнем времени великий, Ярославов сын, Всеволод, а Владимир по сему случаю утром уши закладывал в Чернигове...» — вероятно, в данном тексте присутствует игра понятий: «...а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове». В первом прочтении Владимир отстранял от себя слух и мысль о княжеской вражде (Д. С. Лихачёв), во втором прочтении имеется в виду запирасть ворота города, закладывая в проушины ворот балку (уши в проушину). А. А. Потебня понимал это место так: Олег только лишь вступает в стремя, а этот звон слышит на том свете Ярослав Мудрый. Д. С. Лихачёв чуть смещает акценты: Ярослав, призывавший в своем завещании детей к миру, предугадывал звон Олегова стремени, что значило выступить в поход.

Но вот я снова вспоминаю свои первые впечатления после знакомства со «Словом о полку Игореве». За окном нашей комнатухи стоит яркая осень, во дворах и скверах жгут осенние листья. Мне представляется река моего детства Вятка, что именно где-то там, на другой стороне реки, происходили те героические и сказочные события. Вот на ладье выплывает князь Игорь со своей дружиной. Вот половцы непролазными дорогами спешат обозами к великой реке, а половецкий хан Гзак бежит серым волком навстречу битве.

*Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!*

(Перевод Н. Заболоцкого)

И я ощущаю в воздухе запах дыма от кострищ и пожарищ того далекого былинного времени, и в моем воображении, как это теперь мне кажется, встают Васнецовские картины «Три богатыря», «Витязь на распутье», «Иван-царевич на Сером Волке», «Ковер-самолет», «Алёнушка» и «После побоища», с репродукциями которых можно было познакомиться в детской библиотеке, расположенной недалеко от нашего дома. А может, эти картины в моем воображении появились позже...

Примечания:

- [1] Асеев Н. Н. «Зачем и кому нужна поэзия». — М.: Советский писатель, 1961. 315 с. — Русский стих. С. 92–108.
- [2] Ярхо Б. И. «Методология точного литературоведения». — М.: Языки славянских культур, 2006. — 927 с. С. 62–63.
- [3] Слово о полку игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина. Под редакцией А. Малиновского. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1920. — 25 с.; С. 37–39; С. 43–44.
- [4] В. Я. Брюсов Наука о стихе. Метрика и ритмика. — М.: Альциона, 1919. — 131 с.; С. 118–121.
- [5] «Litera». — М.: 2021. — № 4. — С. 64–92. Вепрёв А. И. — Матрешечный вариант русского верлибра; DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35358.
- [6] «Ротонда», № 5, № 6. — Киров: 2020. — Александр Вепрёв. «Матрешечный вариант русского верлибра: Выбранные места из размышлений о верлибре».
- [7] «Гиперборей»: Литературно-художественный альманах. № 2. — Тюмень: 2021. — 338 с. — Александр Вепрёв. Матрешечный вариант русского верлибра — С. 19–52.
- [8] «Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова»: Переложение Михаила де Ларю. — Одесса: «В городской типографии», 1839.
- [9] Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ).
- [10] Чернов А. Ю. Хроника изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. — СПб.: Вита Нова, 2006. — 480 с.; Приложение (Реконструкция древнерусского текста). С. 389–409.
- [11] Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста». — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 640 с. Реконструированный текст «Слова» с параллельным текстом первоиздания. С. 500–519.
- [12] Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии: монография. Москва: Издательский дом ЯСК, 2020. — 1015 с. Гетероморфный стих в современной русской поэзии. С. 210–231.
- [13] «Интерпоэзия», № 4, 2006. — Алексей Алёхин. Свободный разговор о свободном стихе.
- [14] Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве»: Истор.-лит. очерк. — М.: Просвещение, 1976. — 157 с. С. 50.

СВЯТОСТЬ И СВЯТКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БУНИНА

Основные темы и мотивы творчества Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) — православная духовность, Россия, ее природа и судьба, христианский дух земли русской, национальный характер, загадка русской души, человек и мироздание, любовь и тайны бытия, вечные проблемы жизни и смерти, уходящие корнями в сакральный текст Священного Писания.

Христианское мировоззрение, национально-русская патриотическая позиция, развитый эстетический вкус писателя в совершенстве проявились в раннем бунинском рассказе «Антоновские яблоки» (1900). В этом опыте «путешествия в воспоминаниях», наполненном особым лирическим смыслом, складывались отличительные черты авторской манеры и литературного стиля Бунина, воплощалось его религиозно-художественное миропонимание.

В «Антоновских яблоках» отразились личные, недавно пережитые впечатления писателя от усадебной деревенской жизни в Орловской губернии. В августе 1891 года Бунин писал своей возлюбленной Вареньке Пащенко: «Вышел на крыльцо и увидел, что начинается совсем осенний день. Заря — сероватая, холодная, с легким туманом над первыми зелеными... Крыльцо и дорожки по двору отсырели и потемнели... В саду пахнет антоновскими яблоками... Просто не надышишься!..»¹

Бессюжетное полотно, будто состоящее из цветных мазков, световых пятен, фрагментов, впечатлений, имеет сюжет внутренний. Это хроника вечной природной жизни в Господе. Гораздо важнее сюжета сама неповторимая атмосфера рассказа. Она разлита в любовании красотой средней полосы России, в наслаждении немудреной жизнью среднерусской усадьбы — «дворянского гнезда». Это особое одухотворенное пространство представлено в тончайших наблюдениях и переживаниях.

Аромат антоновских яблок становится эстетической реальностью, пронизывающей всю художественную атмосферу произведения. В первоначальной редакции рассказ имел следующее вступление: «Где-то я читал, что Шиллер любил, чтобы в его комнате лежали яблоки: улежавшись, они своим запахом возбуждали в нем творческие настроения. Не знаю,

насколько справедлив этот рассказ, но вполне понимаю его: есть вещи, которые прекрасны сами по себе, но больше всего потому, что они заставляют нас сильнее чувствовать жизнь. Запахи особенно сильно действуют на нас, и между ними есть особенно здоровые и яркие: запах моря, запах леса, чернозема весной, прелой осенней листвы, улежавшихся яблок <...> чудный запах крепких антоновских яблок, сочных и всегда холодных, пахнувших слегка медом, а больше всего — осенней свежестью!»²

Впоследствии автор снял это вступление. Но на его незримое присутствие указывает многоточие, непривычно вынесенное в самое начало рассказа, будто это не зачин, а продолжение повествования — в непрерывном потоке воспоминаний: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень» (1, 147). Прием умолчания, усиленный глубокой паузой, подчеркивает своеобразие показа художественного времени: «читатель входит в некий постоянно текущий, непрерывный, безначальный поток воспоминаний, и не так важно, где и когда в него войти»³.

Накрепко связанный с родной землей, со своим народом, Бунин, производивший внешнее впечатление холодного чопорного дворянина-аристократа, избирает в рассказе деревенский, именно крестьянский угол зрения. Впечатления лирического героя сливаются с фольклорным календарем, в котором народная мудрость соединила наблюдения над вечно обновляющейся жизнью природы с христианскими праздниками, духовно возрождающими человека, с именами Святых — наших молитвенников и заступников перед Господом.

Знаменательно, что народный календарь наполнен добрыми знаками, счастливыми приметами. Эмоционально-оценочный контекст задает светлую тональность всему повествованию: «Август был <...> с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника Св. Лаврентия. А “осень и зима хороши живут, когда на Лаврентия вода тиха и дождик”. Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак» (1, 147).

Картина урожая из бытовой зарисовки вырастает в знаковый образ радости, красоты и полноты простонародного уклада русской жизни: «"Ядреная антоновка — к веселому году". Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился...» (1, 150). Все это определяет настроение веселья, довольства, православной праздничности: «Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен» (1, 150).

Идущее от сокровенных духовных и национальных глубин чувство Родины под пером писателя преображает незатейливые пейзажи в картины необыкновенно прекрасные. Сцены, нарисованные Буниным, на редкость живописны. В палитре художника разнообразные переливы красок: от нежных, прозрачных, пастельных полутонов до ослепительно ярких, сочных, насыщенных: «голубоватый дым», вода «прозрачная, ледяная», «бирюзовое небо», «коралловые рябины», «красные уборы», «целый золотой город» собранного урожая.

Ракурс изображения также многоплановый. Бытовые зарисовки, лирические раздумья сопричастны не только конкретно-историческому движению времени, вызывающему ностальгию автора по уходящей в прошлое мирной и уютной усадебной жизни. Бунин вместе с тем устремлен к Божественной, заповеданной в Евангелии «полноте времен»: «В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1: 10). Писатель стремится духом проникнуть в непостижимое таинство слияния небесного и земного, горнего и дольного: «черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами» (1, 149). Человека не покидает надежда на грядущее обновление жизни: «мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3: 13).

Концовка рассказа неожиданно обрывается многоточием. Финал повествования так же открыт, как и его начало. Эта жанрово-стилистическая особенность наполняется христианской метазначительностью: ведь *«у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»* (2 Пет. 3: 8).

Элегически-светлый поток воспоминаний без начала и конца замирает на печально-веселой ноте. Это народная песня звучит *«с грустной, безнадежной удалью»*:

*На сумерки буен ветер загулял, <...>
Белым снегом путь-дорогу заметал... (1, 160)*

Бунин — писатель очень русский по духу — любил изображать зиму. Может быть, по той простой причине, что на Святой Руси она особенная, не похожая ни на какие другие зимы в чужих краях. В связи с этим вспоминается пушкинское:

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму.*

Также и Фет подчеркнул русскость зимнего цикла своих стихотворений, назвав его «Снега», указав на отличительный признак нашей зимушки-зимы. «Мне для работы, — признавался И. С. Тургенев Эдмону де Гонкуру, — нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея...»

Зима в ее русских приметах рисуется во многих бунинских рассказах. «День хороший, морозный, за ночь снег выпал, виден следок везде: все к обедне пошли» (1, 426), — пишет автор в рассказе «Иоанн Рыдалец» (1913). «Ах, в зиме было давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снег, первая метель! — восклицал писатель в рассказе «Худая трава» (1913). — <...> В белых снежных полях, в метели — глушь, дичь, а в избе уют и покой» (1, 444).

Бунин с таким мастерством умеет передать тепло и уют запертого изнутри дома, который осаждают мороз, снежные метели и сугробы, что от текста исходит отрадное тепло, как от натопленной русской печки: «Вечером <...> горели лампы, а тепло изразцовою каменки и попоны, покрывавшие пол, давали сладостный уют» (2, 280), — читаем в рассказе «Святитель» (1924). Его действие происходит «двести лет тому назад, в некий зимний день», на Святки, когда звучат «песнопения во славу Пречистого Рождества Господа нашего Иисуса Христа, Красоты нашей неизреченной» (2, 280).

Так соединяются святость и Святки, сквозь русский зимний праздничный цикл светится образ Святой Руси.

В рассказе «Святые» (1914) представлена настоящая зимняя сказочность: «светлая морозная ночь сверкала звездами за мелкими стеклами старинных окон. <...> видно было глубокое небо в редких острых звездах, снег, солью сверкавший под луною, длинная волнистая тень дыма <...> а дальше, за белыми лугами — высокие кособоры, густо поросшие темным хвойным лесом, сказочно посеребренным луной сверху» (1, 483).

Картину Святой Руси создают предания о Святых страстотерпцах. Действие рассказа «Святые» разворачивается на Святках. Бунин воспроизводит обстановку христианского, по традиции — семейного — зимнего праздника в гостеприимной дворянской усадьбе. Однако мотив беспечного веселья, заявленный во вступлении, в дальнейшем служит

лишь контрастирующим фоном, сопровождающим совсем иную атмосферу — благодной тишины, внутренней сосредоточенности, раздумий о Боге и об истинном предназначении человека.

В то время как ярко освещенный барский дом беззаботно живет «своей жизнью, веселой, праздничной» (1, 484), в дальней бедной комнатухе, таинственно освещенной лишь лунным светом, бывший дворовый Арсенич, пришедший навестить своих прежних господ, «в какой-то радостной задумчивости» растроганно проливает слезы о судьбе Святой мученицы Елены — «великой печальницы»; Святого великомученика Вонифатия, чья память чтится зимой, на Рождественский пост, перед Святками.

Писатель выбирает необычный ракурс: жития Святых представлены и сквозь призму детского восприятия. Маленькие герои Митя и Вадя тайком пробрались в заднюю каморку, куда лишь отдаленно доносится шум праздника, чтобы послушать рассказы старого Арсенича.

Два разных мира — детство и старость — поставлены перед лицом друг друга. Дети с нескрываемым любопытством пристально разглядывают непостижимые для них признаки дряхления в облике Арсенича: «сизые старческие руки <...> жили на его сморщенной розовой шее» (1, 484–485). С простодушием, присущим юному возрасту, озвучивает Митя вывод из своих наблюдений: «Вы теперь умрете скоро» (1, 485). Однако бесхитростная детскость в данном случае совпадает с умудренностью старости. Арсенич принимает неизбежность своего скорого ухода из жизни настолько же мирно, насколько спокойно и дети спрашивают его об этом: «Сущая правда ваша-с. Полагаю даже нынешней зимой» (1, 485).

Смиренномудрое, кроткое отношение к смерти при всей полноте жизнелюбия свойственно народному мировосприятию, основанному на православной вере. Это одна из загадок, постоянно волновавших Бунина.

«И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось, тебе лет сто будет?» — задают вопрос старику в рассказе «Антоновские яблоки». В ответ он «кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, — виноват, зажился. И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку» (1, 150). Его старуха сама купила себе на могилку большой камень, «так же как и саван, — отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям» (1, 151). Осмысленность и тщательность этих приготовлений к последнему исходу (важно, чтобы он был обставлен должным образом, по православному чину) показывают, что смерть не страшит бессмертную в своих христианских чаяниях душу. Готовясь предстать перед Богом, Который *«не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы»* (Лк. 20: 38), человек из народа обретает в конце земной жизни спокойное, ясное приятие бытия, мироустройства — в полном соответствии с упованиями Нового Завета: *«если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения <...> Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает: смерть не имеет над ним власти»* (Рим. 6: 5; 8–9).

В то же время и на пороге смерти земная жизнь, дивно устроенный Божий мир притягательны для человека. В Арсениче еще очень сильна потенциальная энергия жизни. Со своими малолетними собеседниками он делится самым сокровенным: «кабы моя воля, прожил бы я на свете тыщу лет!

— А зачем?

— А затем-с, что все бы жил, смотрел, на Божий свет дивился...» (1, 491–492).

Таков же старец Иванушка, еще полный жизненных сил, в повести «Деревня» (1909–1910). Этот герой никак не хочет поддаться смерти. Аверкий в рассказе «Худая трава», своим благообразием напоминающий иконописный лик: «изможденное лицо с тонким

сухим носом, жидко-голубые глаза и узкая седеющая борода» (1, 429), — смиренно и безропотно ожидает смерти, но с последней надеждой на чудо, хотя сам он уже походит на «живые мощи».

Пересечение с известным рассказом И. С. Тургенева «Живые мощи» (1874) весьма ощутимо, и это литературное влияние закономерно. Б. К. Зайцев (лично знавший Бунина, оставивший о нем очерк воспоминаний⁴) справедливо назвал тургеневский рассказ «драгоценностью нашей литературы»⁵. Его главное достоинство — изображение способности человека в любом состоянии радоваться самоценности жизни, благословлять и принимать ее в любых проявлениях. Художественное воплощение получает новозаветная заповедь радости, во имя которой люди призваны жить на земле: *«Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах»* (Мф. 5: 12).

К восторженному удивлению перед чудом творения совершенного Божьего мира присоединяется сознание несовершенства мира человеческого — с его «лукавым мудрствованием», спасаемого лишь подвигами Святых. Эти противоречивые переживания сливаются у Арсенича в неделимый комплекс противоположных эмоций — антиномий: радости и грусти, улыбок и слез, торжества и печали. «Глядя на детей грустно-радостными глазами» (1, 491), он «в какой-то радостной задумчивости плакал горькими слезами» (1, 484), непрерывно рассказывая своим маленьким слушателям о подвижничестве мучениц и мучеников. В их житиях герой обрел источник духовной силы. Восхищение подвигами Святых пробуждает в Арсениче дар слез, приближающий его самого к идеалу праведности. Неслучайно Вадя, заслушавшись, вдруг спросил «охрипшим голосом:

— А вы будете Святой?» (1, 491).

Поистине, Бог *«утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»* (Мф. 11: 25).

Оценивая себя как «человека грешного», старик одновременно признает: «Душа у меня, правда, не нонешнего веку... Мне Господь не по заслугам великий дар дал. <...> слезный дар называется» (1, 491).

Из Нового Завета известно, что на глазах Христа часто видели слезы. Господь плакал от жалости и сострадания к людям, об их нераскаянных грехах, ведущих к гибели: *«когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем»* (Лк. 19: 41).

Согласно святоотеческому наследию, душа человеческая очищается покаянием и слезами. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Мы не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим ответ Богу за то, что не плакали непрерывно о грехах своих»⁶.

Дар слез отличается амбивалентностью, соединяя в себе эмоциональные полярности: «благодатные слезы — завершение покаяния — одновременно являются началом бесконечной радости (антиномия блаженств, возвещенных в Евангелии, — *«Блаженны плачущие, яко тии утешатся»*)»⁷.

Именно таков «слезный дар» старика Арсенича в бунинском рассказе «Святые». Многослойное повествование содержит в подтексте мощный новозаветный пласт — основу житийной темы. Текст бунинского рассказа позволяет восстановить обширный евангельский контекст.

Так, преломление событий сквозь призму детского сознания — прием не столько стилистический, сколько содержательный. Евангельская заповедь: *«Будьте как дети»* — по-особенному звучит на Святках, когда празднуется Рождество Божественного Младенца. В Богомладенчестве Иисуса Христа человечеству дана новозаветная *«сверх надежды надежда»* (*«сверх надежды поверил с надеждою»* — Рим. 4: 18) — на искупление, прощение и спасение в *«жизни будущего века»*. Иисус сказал: *«пустите детей и не препятствуйте им*

приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19: 14); «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 17: 3); «кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 17: 5).

«Святые» Бунина — классический святочный рассказ (хотя автор и не пользуется этим жанровым обозначением), в котором представлены наиболее устойчивые элементы поэтики святочной словесности: зимняя календарная приуроченность, образы детей, мотивы смеха и плача, чуда, спасения, дара, христианская мораль и спасительные уроки.

Примечания:

1. Бунин И. А. Собр. соч.: В 3-х т. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 1. — С. 564. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Бунин И. А. Собр. соч. — СПб.: Знание, 1902. — С. 75.
3. Новикова Е. А. Воспоминание как форма повествования в рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // «Поэтика» литературных гнезд: филология, история, краеведение. — Тула, 2005. — С. 105.
4. См.: Зайцев Б. К. Молодость — Иван Бунин // Писатели орловского края. XX век.: Хрестоматия. — Орёл, 2001. — С. 414–420.
5. Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Далекое. — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 247.
6. Цит. по: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. — М.: Центр «СЭИ», 1991. — С. 154–155.
7. Там же.

Андрей Ивонин, «Простые вещи»
Москва: «Издательство Евгения Степанова», 2025

Книжная серия «Авангранды» пополнилась сборником известного московского поэта Андрея Ивонина, который назвал свою книгу, на первый взгляд, незатейливо. Он вроде бы обещает читателю произведения, над которыми не надо ломать голову, размышляя: «Что хотел сказать автор?», но описывает пространство повседневности таким образом, что мини-верлибр, взламывающий границу между искусством и обыденностью, вгоняет нас в ступор:

августовским вечером
назойливый комариный писк над ухом
ну вот
а так все хорошо начиналось

«Облом!», — так говорит молодежь. Хрупкое состояние душевного равновесия лирического героя нарушено, происходит мгновенный переход из одной эмоции в другую. Парадоксальным образом так называемая простота не так уж и проста: собственно техническая часть исполнения отходит тут на второй план, при этом стихотворению не позволено быть скучным набором слов: состояние мгновенного обрушения из медитативного состояния в колючую реальность передается нам, когда мы видим картину, что называется, «жизненную», ситуацию, в которой хотя бы раз в жизни оказывался каждый из нас (дачники и любители турпоходов обреченно вздыхают).

Сложно также дать точное определение самому существительному — «простота». В русском языке данное понятие многозначно и не всегда звучит в положительном ключе. Есть «святая простота» и «простота хуже воровства». Между тем, гармония — это мера. Более того — идти «срединым путем» под силу не каждому, для этого нужны точные «измерительные инструменты» — поэтическое «чутье», которое не выразишь в единицах метрической системы мер:

Природа в час вечернего заката
так насеком, земноводна и перната,
что ты и сам, забыв про все приличья,
и думаешь, и говоришь по-птичьи.

Созерцание — ключик к полному слиянию с природой. Это состояние «остановки ума» запускает в человеке режим чуткого внимания к себе и бескорыстного отношения к окружающему миру. Быть простым? Насколько простым? Когда осознаешь, что «простота» и «пространство» — однокоренные слова, понимаешь лирического героя Андрея Ивонина, ему сочувствуешь и немного завидуешь, потому что в предлагаемых автором обстоятельствах может быть счастлив только влюбленный:

В два часа ночи,
у закрытого метро,
с разрядившимся телефоном,
без копейки в кармане
ловить такси,
умирая от счастья.

«Сумасшедший!», — фыркнул скептики. Да и пусть злятся, наше дело — разделить эту «немотивированную» радость. Психологи в один голос утверждают (и, если понаблюдать за людьми, мы найдем немало подтверждений), что именно простотой зрелая любовь отличается от юношеской влюбленности. Ты не думаешь, не гадаешь, а любовь ли это? Ты просто знаешь это, уверен в человеке, как в себе самом... Но как быть, когда чувства остывают? Стоит «бороться за любовь» или смириться с неизбежным? Поэт спокойно отвечает на этот вопрос:

Чертят стрелки за кругом круг,
стрелок известна прыть.
Вот так и проходит любовь, мой друг.
Ты спросишь: что делать? — Жить.

Подобное принятие происходящего не свойственно большинству авторов. В основном, лирика угасшей любви — это мучительное сожаление о прошлом, долгое и многословное. Но мудрость не противостоит простоте. Более того, именно мудрости свойственна лаконичность — обращаясь к читателю, поэт делится с нами не только философским взглядом, но и проявляет определенную практичность: нет смысла цепляться за прошлое, или, проще говоря, «если лошадь сдохла, слезь с нее». Обращает на себя внимание образ часов как напоминание и о вечности как о понятии, неподвластном человеческому сознанию, и о быстротечности времени, под влиянием которого рушатся даже те человеческие чувства, которые считаются «вечными». Просто написано? Да. Страшно? Если вдуматься, да. И светло. И смиренно. В стихотворениях Андрея Ивонина принцип «всеу свое время» распространяется как на тонкую сферу человеческих отношений, так и на природные процессы. Лирический герой не оглядывается назад и не подгоняет часы: «ах, скорей бы наступила зима!». Он терпелив. Созерцает переход от глубокой осени к предзимью и с беспристрастием натуралиста констатирует:

Еще не снег. Но копится беда
по перелескам и полям окрестным,
где с неба неизбывная вода
стекает вниз по желобам отвесным.
Где все готово для привычных нег
грядущих зим — и свадебное ложе
из стелых трав, гнилой листвы, но все же
еще не снег.

Красота простора (мы же помним про однокоренные слова?) в произведениях Андрея Ивонина дает нам предчувствие чего-то хорошего, что невозможно пощупать:

майский снег
падает
смешивается
с лепестками черемухи
яблони
вишни
через мгновение
превращаясь
в капельки воды
в слезы
о прошедшей зиме

Понятие, противоположное простоте, — «сложность». Но ведь если разобрать это слово по составу, вытащив корень, перед нами откроется его суть — «ложь». Разве можно создать что-то хорошее, если кого-то обманываешь?.. Поэзия, как показывает нам Андрей Ивонин, должна раскрывать самые высокие темы не «возвышенными» оборотами. Будничные, разговорные слова не только не снижают «поэтизма» картины, но придают стихотворению особую теплоту. Между тем, легко читаемое не равно легко написанному. Кто знает, сколько черновиков исписал поэт, чтобы донести до нас эту светлую грусть? А ведь кажется, будто он особо и не старался — просто подметил момент, сел и на одном дыхании написал верлибр, в котором услышишь отголоски японской классической поэзии. Остаться верным простоте — значит видеть мир без прикрас, иллюзий и домыслов. И как тут не вспомнить мудрую мысль святого Амвросия Оптинского: «Где просто, там ангелов по сто, а где мудро, там ни одного»?!

Ольга ЕФИМОВА

**Анатолий Аврутин, «С чистого листа...»
Москва: «Вест-Консалтинг», 2025**

Богат тот поэт, который может себе позволить скромный подзаголовок, украшающий титульный лист книги стихотворений: «Избранное из избранного». Во-первых, есть из чего выбирать, значит, творческая жизнь автора складывается успешно. Во-вторых, зарождение книги стихов как сознательного целостного единства требует от автора как поэтического «чутья», чтобы избранные стихи были прочитаны нами на одном дыхании, так и внутренней дисциплины. Требуется «включить логику», чтобы создать монолитную систему: это стихотворение нужно поставить первым, это включить в сборник, это оставить «за бортом», эти два, скажем, расположить друг за другом, а вот на этом — выдохнуть, остановиться и завершить книгу. Таким образом, мы наблюдаем авторское мировидение как органическую художественную модель, в которой нет ничего наносного, лишнего и которая устойчива к внешнему воздействию.

Выдающийся русский поэт Анатолий Аврутин подошел со всей серьезностью к составлению этого сборника. Жесткая самоцензура проявляется не только в отборе произведений. Лирический герой Анатолия Аврутина имеет звенящий «внутренний камертон»: малейшие отклонения от чистого звучания души вызывают у него не просто легкое беспокойство, а самое настоящее страдание:

И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохлая гать,
И все Бога пытаю: «Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

Чувствуете, здесь нет самооправдания, мы не увидим здесь также «самоуничтожения паче гордости». Система ценностей автора — явное утверждение всего, что дорого русскому миру. Для русского человека Бог на первом месте — Господь, потом уже все остальное, причем вопреки давлению материального мира. Образ дороги в болотистой местности показывает нам, как много требуется человеку отваги, чтобы следовать Его заповедям. Настил из бревен и хвороста ненадежен, он часто проваливается, но без него продвигаться вперед невозможно — слева и справа топь, да и повернуть назад не получится: вряд ли хлипкие бревна выдержат. Идти можно только вперед, а вбок — никак, от лукавого это. Написано это отнюдь не декларативно и не нарочито. Поэзия лишь подсвечивает внутреннее состояние духа поэта, его мировоззрение.

Семья, традиции, преемственность поколений — эти темы волнуют поэта, заставляя и нас задуматься о том, как много упустило наше поколение. В автобиографическом стихотворении «Пианино» автор отмечает вехи жизни своего рода и с грустью показывает, как постепенно от людей «уходит» музыка. Старшее поколение стремилось к высокому, несмотря на все ужасы войны (отец поэта играет мелодию одним пальцем, неумело, но с чувством), а его внуки (непуганое поколение) уже бездумно бьют по клавишам. Лишь иногда старый инструмент звучит так, как ему положено, — в полный голос:

В доме Моцарт звучит... Я ж гляжу виновато,
И мне все же сегодня дороже вдвойне
Тот нехитрый мотив, что отец мой когда-то
Одним пальцем неловко играл о войне.

Так и хочется включить «внутреннюю бабушку» и заворчать: «раньше было лучше», но разве это поможет?.. Если нет у человека тяги к чему-то, насильно ее не привьешь, можно лишь раз и навсегда отбить желание заниматься искусством. Но если есть в человеке жажда музыки, это высокое устремление — ей ничто не может помешать, мелодия зазвучит, даже будучи сыгранная одним пальцем...

Идейное и тематическое единство данного однотомника славно тем, что некоторые произведения, будучи, на первый взгляд, «неподходящими» по форме, при повторном прочтении оказываются более чем соответствующими жанровой специфике книги стихотворений. Иногда поэт отступает от классического канона и дарит нам нерифмованные строки, например, короткую философскую притчу, в которой заключен целый пласт смыслов:

Предаст любимый —
придет страданье.
Придет страданье —
постигнешь душу.
Постигнешь душу —
навек прозреешь.
Навек прозреешь —
любовь узнаешь.
Любовь узнаешь —
предаст любимый.

Как это перекликается с русскими фольклорными мотивами! Кольцевая композиция стихотворения приводит читателя в исходную точку. Поначалу не скрываешь разочарования: ну и зачем вся это причинно-следственная связь, вся эта долгая история, вызывающая в памяти стояние на распутье («направо пойдешь — коня потеряешь»)? А между этими закольцованными событиями — столько событий! Неоднократное переосмысление жизни. Проживание крушения надежд. Обретение себя в новом качестве. И напоминание о том, что ни одна земная ценность не является вечной. Это уже новый уровень и человека, и самого повествования. Благодаря сложной композиции все возвращается на круги своя, но обогащенная новым опытом, старая ситуация выглядит по-иному и переживается совершенно не так, как впервые. Это стихотворение можно продолжать и продолжать, ведь потенциал развития человеческой души неисчерпаем, но ограниченная продолжительность земной жизни вынуждает автора поставить финальную точку. Круг жизни также вынуждает человека отдавать дань своему земному существованию: страсть, любовь, яркие чувства — его неотъемлемые спутники. И при этом не забывать смотреть на небо, и не забывать о скоротечности времени... Десять строк этого стихотворения анализируют проблемы жизни и смерти, любви и одиночества, свободы и привязанности, и это вполне подробная «инструкция» о том, как уберечь себя от любовной тоски.

В новой книге вообще немало «сложного» — вопросы о смысле жизни, о предназначении человека не дают поэту покоя. Анатолий Аврутин разрабатывает эту «вечную» тему, в том числе и с помощью развернутой метафоры. Интересен образ «маленького человека», «подневольной спички в коробке», тоненькой палочки с серной головкой, от которой не зависит, на чьей стороне — добра или зла — будет полыхать зажженный ею огонь:

Бренчим... Не скажешь: «Не хочу!..»
Черкнут о злой фосфор...
Кому-то зажигать свечу,
Кому-то — жечь собор.

Тут мы почти не чувствуем разницы между поэтическим и обыденным использованием языка в речи. Смещение ударения в слове «фосфор» и вовсе придает стихотворному тексту разговорный оттенок. Мы слышим, как с нами говорит человек «старой формации»: величественное существительное «собор» (не просто церковь, а главный храм в округе!) по своему звучанию «перевешивает» название химического соединения. Собор — это наше, родное, символ принадлежности к русскому миру, начало, вокруг которого образуется понятие «соборность». А что такое «фосфор»? Так, творение недобрых рук... Обреченность, с которой поэт пишет про «не хочу», вызывает у читателя внутренний протест: как это, мы же люди, творцы своей судьбы и все такое... Ничего подобного. У каждого есть свое предназначение на планете, только реализуется оно порой в таких уродливых формах, что лучше их лишний раз не вспоминать...

А как свежа метафора обиды: в речку кинули камень, и по воде пошли печальные круги... В жизни мы нередко говорим: «у меня тяжело на сердце», «носить камень за пазухой», но подобный контраст в стихотворении активного зла и бессловесного заставляет сопереживать кроткой речке, да и за собственным языком в реальной жизни лучше последить:

Но все минуло в одночасье,
И в успокоенной волне
Круги дрожащие угасли...
Но камень... Камень-то на дне...

Хорошо ведь, верно? Речь поэта чиста. Боль обиды принуждает нас к примирению, прощению, переоценке и восстановлению отношений, возможно, на более глубоком уровне. И предостерегает: «Не разбрасывайте камни»... Стихотворения Анатолия Аврутина ассоциируются со звоном хрусталя, с его особой энергетикой гармонии и спокойствия. Замечательно стихотворение без названия, в котором автор воспекает поэзию как непостижимое сознанию действо:

Есть строки божественное чудо,
Где прозрень с тайною вдвоем
Все звучат, как скрипка... Но откуда
В скрипке звук?.. Взломаем — не пойдем.

А дальше — величание Слова, вознесение таинства поэзии на недостижимую высоту:

Но идет сияние такое,
И идет такая благодать
Вслед за той божественной строкою,
Чью бессмертность смертным не понять.

Поэзия — это ведь не только рифмованный текст. М. Хайдеггер писал: «Поэзия есть установление бытия посредством слова». Что же касается категории «избранного», то сборник подобных стихотворений обычно служит поводом обернуться назад, окинуть взглядом минувшее. Вот и эта книга — своего рода «итоговая», что отнюдь не равно эпитету «безрадостная». Благодаря взаимосвязи стихотворений у читателя складывается целостное представление о движении поэтической мысли ее создателя. И мысль эта проста: «Слава Богу за все. Значит, так надо...».

Ольга ЕФИМОВА

Название романа Андрея Тараканова вызывает ассоциации с психиатрической лечебницей (собственно, в больничных стенах и разворачивается значимая часть повествования) и вызывает интерес: это роман о медиках и пациентах? Если да, то почему роман озаглавлен одним словом? Выходит, главные действующие лица — все-таки страдающие расстройством аутического спектра? Тогда почему автора настолько привлекают эти особенные люди?

Замкнутость в себе, погруженность в мир собственных переживаний и отрыв от действительности — основная черта аутистов. Главная героиня романа по профессии — детский психиатр, изучает именно это состояние (автор старается уклониться от слова «болезнь»), чуть было не погибает, самонадеянно пытаясь раскрыть преступление, произошедшее в стенах закрытого медучреждения... Детективная линия развития сюжета держит нас в напряжении: восторжествует ли справедливость? И, если посмотреть непредвзято на поведение главной героини, мы удивимся ее наивности: в одиночку в логово к опасным преступникам, не заручившись хотя бы минимальной поддержкой, может отправиться только человек, чьи социальные связи, скажем так, нарушены. Девушка ни от кого не ждет подмоги, заиклившись на своем стремлении докопаться до правды. Такое ощущение, будто она и сама страдает тем же, чем ее подопечные детки: видит цель — не видит препятствий.

Можно, конечно, усомниться в этом: при чем тут аутисты? Просто девушка слишком упряма... Но в том-то все и дело: мышление аутистов сфокусировано на чем-то одном, «переключиться» на другие объекты им крайне трудно. А теперь вспомните, как большинство из нас общается друг с другом... Это же сплошные монологи! Через слово звучит раздражающее местоимение «я»: «дайте мне», «а вот у меня», «мне хочется» и так далее, пока собеседнику не надоест слушать. Это проявляется ежедневно в общении так называемых «нормальных» людей. Кто-то постоянно хвастается. Кто-то с завидной периодичностью ищет «свободные уши», чтобы понять. Кто-то полагает, что с ним весело, а окружающие с трудом его терпят, потому что он их не слышит и не видит, коммуницирует сам с собой.

Язык Андрея Тараканова отличается интересным построением предложений, длинными фразами, которые призывают читателя «идти по тексту» неторопливо. Так в быту не разговаривают, ибо скорость современной жизни не располагает к душевным беседам. По основной специальности автор — высококвалифицированный врач-кардиолог, что не может не сказаться на манере изложения текста. У врача особенное мышление, ведь к каждому пациенту он находит свой подход. И тут многое зависит от личности больного: учитывается его возраст, тяжесть заболевания, сопутствующие осложнения и много других факторов, которые могут как помочь облегчить состояние страдающего, так и воспрепятствовать лечению.

Клиническое мышление Тараканова-врача проникает и на страницы романа. Со свойственной хорошему диагносту дотошностью автор пытается разъять, объяснить, разложить на составляющие такое сложное чувство, как любовь. Почему она возникает? Как зарождается? Общение — это не всегда диалог, но тогда и «любовь» — не всегда то, что мы о ней думаем. Сенатор Пуд пытается втолковать это своей дочери: «Истинная любовь воспитывает, но не ослепляет. Если ты убеждена, что любишь человека и потеря его для тебя катастрофа, значит, твоя любовь придумана. Посмотри: независимость Сенеки и сенаторов-стоиков, их моральная показная твердость, хотя и закаляет дух, является примером мужества, но без видимых активных шагов это не более чем любование собой.

Так и с любовью. Не тешь себя самообманом!». Конфликт отцов и детей в романе ярко выражен, эта тема сильно цепляет читателя за живое, однако она служит лишь фундаментом для более глубокой разработки философских проблем, например, ответственности человека за свои слова и поступки.

Переплетение двух миров — Древнего Рима и наших дней — выстроено писателем с таким расчетом, чтобы мы видели: сказанное однажды слово не исчезает в никуда, одно событие запускает другое, всякая причина имеет следствие, важно только покопаться поглубже. Вызывает уважение тщательность проработки исторических картин, при этом современность прописана не столь подробно, и сделано это из уважения к читателю: мы будто вживую видим древнеримский рынок, где продаются разные деликатесы, вплоть до живых осьминогов, но не знаем марки мобильного телефона главной героини. Почему? Да это неважно для сюжета, и, конечно, являлась бы скрытой рекламой. Одно дело — погрузить читателя в другую эпоху, и совсем другое — расписывать «крутизну» нынешних толстосумов. Особняк, в котором, в частности, разворачиваются события любовного треугольника Герман — Лизонька — Яков, не особенно запоминается читателю в отличие от жарких сцен, без которых накал страстей был бы не столь убедителен. Но и откровенные сцены описаны автором без смакования подробностей — это живая жизнь, это неотъемлемая сторона любви, того многомерного чувства, о котором так серьезно задумываются герои Андрея Тараканова. Взаимная любовь разгорается быстро, а зарождается осторожно: «Герман Семёнович хотел сказать что-то в ответ, но сдержался, смолчал, лишь смущенно кивнул головой в знак согласия. Лизонька застегнула ему все пуговицы на пальто и легонько хлопнула раскрытой ладонью по его груди. Так делают, провожая на прогулку непослушного пацана, требуя в конце появиться дома через час». По этому фрагменту уже понятно, что ждет эту пару совместное будущее, вот только бы все не разрушить, не оплошать...

Сопоставление реального и воображаемого временных пластов не дает читателю скушать: не успеешь освоиться в покоях дочери сенатора, а писатель тебя уже «выпихивает» в наши дни.

Зачем нужно было помещать влюбленную пару в такие обстоятельства? А ларчик открывается просто: когда-то давно, в прошлом, юная особа совершила фатальную ошибку. Недопонимание с возлюбленным нарастало, и кончилось все очень печально: «Какое-то время она говорила еще что-то едва слышно, но уже без дрожи и слез. Потом поднялась, поцеловала в посиневшие губы продолжавшего безучастно смотреть перед собой Кантидия и вышла из каморки, плотно затворив за собой дверь». Страшная сцена служит ключом к разгадке теперешних злослучий Лизоньки: сможет ли она в этой жизни не погубить свое чувство, сделает ли шаг навстречу Герману?..

Двоемирие — самый распространенный конфликт художественной литературы, концентрирующий в себе целый ряд мировоззренческих вопросов. Нельзя уйти от сравнения композиции «Аутистов» Андрея Тараканова и знаменитого романа Булгакова «Мастер и Маргарита», и нельзя не отметить, что воплощение единства духовного и материального начал достигается авторами по-разному. У Булгакова в центре внимания — религиозно-философское противостояние (вспомним спор Иешуа и Пилата). Двоемирие Тараканова — самостоятельная, ключевая тема. Нет в мире выдуманном ни пристанища, ни намек на «светлое прошлое» — Рим жесток, вот только там, в прошлом, завязываются такие отношения между главными героями, которые напрямую влияют на их действия в нашем времени. Эзотерики вспомнят про карму и переселение душ (а почему бы и нет?), материалисты вспомнят основателей психоанализа, но и те, и другие согласятся с тем, что во все вре-

мена и при любом общественном строе человечество волнуют одни и те же вопросы, скажем, что такое любовь и как стать счастливым? Что важнее — любовь или долг? В чем смысл любовных отношений? И главное — зачем человек живет? Этот вопрос задавали себе римляне задолго до наступления нашей эры, и об этом же размышляет скромный врач Александр Фёдорович, пытаясь выстроить доверительные отношения со своей загадочной пациенткой.

Правда ли девушка путешествовала во времени или это видения нашей современницы, которую едва не убили ударом по голове? Доктор Александр Фёдорович сбит с толку рассказами своей пациентки, поскольку повествование об иной реальности не вписывается в клиническую картину ни одного известного ему психиатрического заболевания: «Лизка же говорила красочно, эмоционально. Она говорила о своей, реальной жизни. Однако исключить полностью затянувшуюся диссоциацию, ставшую патологической, казалось невозможным. Подобному состоянию особо подвержены люди высокочувствительные, и Лизка относилась именно к такой категории. Сенситив бурно реагирует на любую мелочь, потому стрессовые ситуации, выходящие за рамки обыденности, нередко приводят их к болезням». Писатель держит нас в напряжении сразу в нескольких сюжетных линиях и говорит загадками практически до самого финала, в котором один волнующий читателя вопрос так и остается неразрешенным...

Роман интересно читать не только из-за развернутого экскурса в историю и возможности порассуждать о вечном. Героям Андрея Тараканова искренне сочувствуешь. И тем отраднее наблюдать в финале, что каждый получает по заслугам. Если человек проходит испытание с честью, то он духовно зрел и заслуживает получить от жизни просимое. Лизонька воссоединяется с Германом, следователь Федотыч ловит преступников, и даже Александру Фёдоровичу, несмотря на его бурное прошлое, выпадает шанс изменить жизнь к лучшему. Андрей Тараканов своим масштабным романом отвечает на вопрос, который мучает его и как автора, и как обычного человека: откуда столько непонимания между людьми? Писатель вкладывает в уста своего пьяненького персонажа довольно трудные для осознания слова: «Каин оказался первым аутистом на земле. Аутист не видит связи между своими действиями и тем, что происходит с ним. Мы все аутисты. Только не знаем о том. Нам запрещено это знать». Часто непонимание возникает там, где много сложных эмоций. И писатель дает нам подсказку, как, наконец, выйти из состояния тотального одиночества, при этом он опирается на Библию, на один из самых «авторитетных» философских источников. Сначала выясни, вычисти свои чувства. Потом иди к Другому. Этого требует сама жизнь, сам факт существования осмысленной человеческой речи, потому что все мы — социальные существа, жаждущие понимания.

Вера КИУЛИНА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 03.02.2025
Подписано в печать 28.02.2025